

DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО

S-T-I-K-S

АНДРЕЙ АРХИПОВ
ВТОРОЙ ХРАНИТЕЛЬ

КНИГА 1



ИДДК

S-T-I-K-S

Андрей Архипов

**S-T-I-K-S. Второй
Хранитель. Книга 1**

«ИДДК»

2017

Архипов А. В.

S-T-I-K-S. Второй Хранитель. Книга 1 / А. В. Архипов —
«ИДДК», 2017 — (S-T-I-K-S)

Двое рабочих - строителей попадают в Улей, где плечом к плечу противостоят опасностям, но их пути расходятся. Перс, стремясь отомстить за смерть любимой девушки - сознательно превращает себя в монстра, а его друг Фаза уходит в далекий горный кластер выполнять загадочное поручение торговой гильдии. Содержит нецензурную брань

© Архипов А. В., 2017

© ИДДК, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Миры Артёма Каменистого. S-T-I-K-S

Андрей Архипов Второй Хранитель

Глава 1

Плохое утро

«Пиу-пиу-пиу...» – тихо загудел на столике мобильный телефон. Макс вылез из-под одеяла и осторожно, стараясь не тревожить спящую супругу, проследовал на кухню и плотно прикрыл двери.

– Привет, дружище! Денег хочешь? – загремел в трубке голос его друга и напарника Сергея.

– Гы... Привет, Серега. А давай я Ленку разбужу, и ты у нее спросишь? А то еще неделя отдыха, и она меня на работу выгонит устраиваться.

– Ты что, сдурел, братан? Куда устраиваться, жизнь только начинается!

В голосе говорившего слышались нотки торжества, и Максим уже не сомневался, что тот нашел реального клиента.

– Давай, Сережа, не томи. Что за тема? А то мне уже бензин покупать не на что, а Ленка грозитя сигареты перестать покупать.

– Значит, так. Кафе «Оазис» в центре знаешь? Рядом с магазином «Спорттовары».

– Конечно, знаю. Только оно вроде закрыто уже с месяц.

– Ну да, закрыто. Его один армянин выкупил, Гариком зовут. Магазин в нем мутить собрался, и наша задача – облагородить подсобку стеллажами. Там еще перила надо и козырек над дверью.

Максим нервно сунул в зубы сигарету, чиркнул зажигалкой и пододвинул пепельницу.

– Та-ак... Насколько серьезен Гарик и какова цена вопроса?

– Гарик вполне серьезен, аванс без возражений выдал. Так что если совсем прижало, обращайся, могу на жизнь подбросить. А цена вопроса? Уголка на стеллажи уйдет не меньше двухсот метров, работаем по цене металла, как обычно. Вот и считай...

– Добре, Серый, добре! Когда начнем?

Максим нервно заерзал по табуретке и краем глаза засек бесшумно вошедшую Лену. Она стояла у дверей в одной ночнушке и внимательно вслушивалась в разговор. Макс встретился с женой взглядом, улыбнулся и врубил громкую связь на телефоне. На всю кухню загремел бодрый голос друга:

– А начинаем, братан, прямо сейчас, можешь собираться и выезжать. Но в деле имеется нюанс.

– Какой еще нюанс? – медведем рявкнул Макс.

Предстоящая работа оказалась настолько кстати и так его воодушевила, что разум категорически отказывался воспринимать возможный негатив.

– Да там электрики прежним хозяевам свет за неуплату отключили, а Гарик с электросетями пока не договорился. Слишком большая сумма долга набежала, и скорей всего судиться будут. Так что готовь, брателло, генератор. Как там твоя «Ямаха», еще бодрая?

– «Ямаха» бодрая, вот только за чей счет банкет? Ты представляешь, сколько она горючки слопает?

– Не переживай, дружище, бензин армянский, оговорено. Канистра двадцать литров на день, хватит?

– Да вполне хватит, еще и себе вымутим, – приободрился Макс, и Серега поставил громким смехом точку в разговоре.

В дверном проеме улыбалась и грозила мужу кулачком заспанная Ленка.

Его жена Сереге приходилась родственницей, он их и познакомил в свое время. Улыбчивый веселый парень девушке понравился, и «конфетно-букетная» прелюдия не затянулась. Уже через неделю Максим переехал к ней с вещами и ружейным сейфом. Ленка в активе имела чудную трехлетнюю дочурку, трехкомнатную квартиру в районе железнодорожного вокзала города Архангельска и твердое желание создать новую семью после недавнего развода.

У Максима не было своей квартиры, но он владел уазиком-«буханкой», битком забитым инструментом гаражом и комплектом ружей, украшением которого считалась нарезная «сайга». Выезжали за город они с Серегой регулярно, выходные проводили на природе и никогда не ставили себе задачу настрелять побольше дичи. Главное – шум ветра в соснах, таежный дым костров и крутые парни с нарезными пушками. Да, они в курсе, что в лесу водятся различные зверушки, но пусть зверье живет и размножается, а стрелять можно и по мишеням.

Вот с такой ребята жили философией, но не давал расслабиться ударивший по стране кризис. Выезды на природу – с пострелушками – стоили определенных денег, жены с детьми желали кушать и одеваться, а с заказами в последнее время обстояло совсем плохо. Еще недавно их летучий дуэт сварщиков не знал отбоя от клиентов, и Серега выстраивал в очередь желающих. Но то было раньше. Тучные времена ушли вместе с курсом доллара «по тридцать», а финансирование городских организаций было сильно урезано.

Последний год Серега сражался с конкурентами за каждого заказчика, а Макс ушел в депрессию, без конца перебирая и смазывая любимую «сайгу». Он уже в поисках сварочных вакансий начал просматривать сайты предприятий, но появился Гарик. Веселый армянин, плевавший на все кризисы и на холодную архангельскую осень, разогнавшую мокрым снегом и дождями последних их клиентов.

Гарик, невзирая на дождливую погоду, нервно подпрыгивал у входа «на объект», куда напарники подъехали почти синхронно. Макс на своей «буханке» и Серега на выдавшем виды «Логане».

– Привет, ребята, гиниратар взяли?

– В машине генератор, я – Макс, – представился Максим, пожимая волосатую с тыльной стороны ладонь.

– А что там у тебя за свет внутри? – перебил Серега, указывая на смутные отблески в торговом зале.

– Там таджик стенка в зале штукатурит. Я ему лампа кирасиновый купил. Таджик берите – памагать будет, он у меня на зарплат сидит. Только болгарка в руки не давайте, а то таджик совсем тупой – атрежет ногу. Рибят, надо стилаж варить быстрее, у меня товар в гараже мокнет.

Друзья тем временем, не слушая причитаний Гарика, осматривали фронт работ и прикидывали, с чего начать. Закончив, они перенесли из «буханки» инструмент в подсобку, запустили генератор и подключили от него две лампочки. Сразу стало веселее.

– Гарик, давай деньги, за уголком поедом. Отчет с нас – с квитанцией и чеком, – обратился Серега к хозяину будущего магазина и нервно взглянул на часы.

Попасть на металлобазу в обеденный перерыв не улыбалось.

– Дэнги дам, но ви еще жилезный дверь в подсобка сделайте.

– Не понял? Там же есть двери железные.

– Там дверь плахой, слабый. Ви мне хороший двэрь варить, мощный.

– Так тебе дверь в первую очередь или стеллажи?

– Стилаж не будет – куда товар ложить? Товар на стилаж положу – ночью дверь пинком сломают и товар утащат. И двэрь нада, и стилаж нада. Все нада, и бистро.

Ну куда в таких раскладах без таджика? Коренастогострогоглазого Сухроба пришлось выкупить у Гарика по цене восемьсот рублей за день с кормежкой. Максим немедленно забрал его с собой на металлобазу, грузить и резать по размеру уголок. Серега остался ломать старые двери и расчищать плацдарм для новых. Работа закипела...

Разумеется, никакую дверь они поставить не успели. Вечером подсобка, в сторону улицы, зияла пустым проемом, а внутри помещения лежали куча нарезанного уголка для стеллажей, сваренная дверная рама и гора инструмента, который не хотелось увозить домой до окончания работы. Макс с Серегой не сговариваясь посмотрели на Сухроба, и тот, блеснув зубами, попросил их привезти пару одеял. Одеяла не привезли – привезли спальник. Хороший теплый спальник, слегка пожженный таежными кострами. А также примус, котелок, электрочайник и домашнюю еду, с восторгом воспринятую таджиком. Убедившись, что за сохранность инструмента и материала теперь можно не переживать, друзья разбежались по домам.

Так как Максим с Леной еще не полученные деньги уже расписали по статьям расхода, Макс завел свою «буханку» в семь утра. Серега оказался не готов в такую рань поддержать трудовой энтузиазм напарника и пообещал подъехать ближе к девяти. Но – ничего страшного, можно начать работать без него, с Сухробом. Он с таджиком познакомился еще вчера, и парень оказался вовсе не тупым, как его представил Гарик. Максим не сомневался, что они сработаются, и спешил добраться до объекта, но погода... Погода совсем не радовала, даже учитывая осень.

Со стороны Северной Двины по улицам тянулись языки тумана, и чем ближе он подъезжал к объекту, тем туман густел сильнее. Видимость упала, машины останавливались, создавая пробки, и отчаянно сигналили. Ехать в таком темпе не выдерживали нервы, и Макс решил прорываться напрямик – дворами. Эта часть города ему была знакома, и он не сомневался, что до места доберется.

Ехал хоть и медленно, зато без остановок, и почти добрался, но тут резко погасло уличное освещение, и одновременно с наступившей темнотой в ноздри ударил запах горелых проводов. Максим, чертыхаясь, резко затормозил, остановился и полез осматривать машину.

С виду все в его «буханке» работало как надо. Он открыл капот, внимательно осмотрел проводку, проверил работу фар и габаритов. Странно. Запах никуда не уходил и стал еще противней – его начало поташнивать. Дальше ехать побоялся – свет фар упирался в плотную белесую стену тумана метров через десять. Отчаянно ругаясь и понимая, что нарывается на конфликт с жильцами, Макс сдал задом и припарковался на газоне, умудрившись опрокинуть мусорный контейнер. Как хорошо, что инструмент оставлен в магазине, а не в кузове его машины! Он забрал объемистый пакет с продуктами, запер кабину и двинул в сторону «Оазиса», стараясь перебить кисло-сладкий привкус сигаретным дымом.

А город пробуждался, но как-то необычно нервно. Вокруг темно, сыро, от проклятого тумана ничего не видно, и этот запах... Неподалеку истошно орал кот, ругались люди, и отовсюду отчаянно сигналили машины. Плохо понимая, зачем он это делает, Максим достал из сумки острую как бритва выкидку и переложил в карман рабочих брюк. Переложил на всякий случай – пусть будет рядом. Мелькнула мысль о Сереге, что тому не прорваться через туман, и рука сама потянулась за мобильником.

Но что такое? Связи тоже нет, и этот факт поразил Макса сильнее, чем отсутствие уличного освещения и черные окна домов. Он вообще не помнил, когда сотовая связь в последний раз отказывала, и удивленно таращился на пустую шкалу в верхнем уголке дисплея. Ну, это вообще ни в одни ворота! Надо поскорей добраться до объекта и взбодрить организм ударной дозой кофе. У них есть электрочайник и автономный генератор с нормальной работающей розеткой.

Хрясь! Неведомая сила мощно ударила сзади в левое плечо, и он упал, обдирая колени и подушечки ладоней об асфальт.

– Эй, придурок! – крикнул запоздало Максим исчезающей в тумане спине толкнувшего его мужика.

Спина на секунду замерла, но быстро набрала ход и растворилась в молочных рваных хлопьях. «Вот скотина! Сшиб с ног сзади и не остановился. Мог хотя бы помочь встать, животное!» – бешено колотилось в голове, а рукина ощупь собирали рассыпавшиеся продукты. Он встал, отряхнулся и торопливо пошел, стараясь не споткнуться и не упасть еще раз, но прошел совсем недалеко. Впереди, похоже, бушевала драка.

Тот самый, сбивший его с дорожки дядька, которого он узнал по крупным габаритам и синей куртке, размашисто отбивался от двух крепких ребят, и отбивался весьма ловко. Настолько ловко, что еще надо разобраться, кто кого тут избивает. Рядом с дракой, прямо на асфальте, сидела и ее причина. Девчонка в порванных колготках плакала и тихо подвывала, обхватив голову руками. Максиму все стало понятно. Этот двухметровый гоблин вслед за ним снес с дороги девушку, за которую вступились сопровождающие ее ребята. Понимание ситуации вызвало ярость, Макса накрыло, он отбросил в сторону пакет и рванул в гущу событий.

В юности не так часто, но драться приходилось. Его улица носила имя Розы Люксембург и именовалась в молодежных кругах «Розочкой». Они враждовали с «Комсой», «Сульфатом» и довольно далеко распложенным «Привозом», на котором он имел честь проживать в данный момент с Ленкой. Макс не был драчуном и хулиганом, но сейчас вбитые с детства боевые навыки поднялись мутной волной, отключили разум и бросили в атаку.

– Вали его, ребята! – Боевой клич уличных бойцов завяз в тумане, и ботинок сварщика врезался в монументальное колено гоблина с внешней стороны.

Тот, рубанув пудовым кулачищем воздух, завалился набок, и Максим догнал вторым пинком коротко стриженную голову. Ободренные помощью третьей силы, парни воспрянули духом и принялись ловко запинывать поверженного, не оставляя тому шансов. Драка быстро переходила в избиение, но сидевшая на асфальте девчонка дико закричала, и Максиму показалось, что ему на голову вылили ведро воды.

– Все, мужики, хорош! Уймись, хватит!

Одного он оттащил за шкурку и повис на его друге, не давая тому драться. Ребята остановились и замерли, готовые в любой момент продолжить.

– Да что с вами такое, мальчишки?! Озверели и с ума сошли?! Ну что это за утро, ы-ы-ы-ы!.. – провыла сидящая на земле девчонка, и Максиму стало так стыдно, что он покраснел в первый раз за много лет.

А ведь она права, подобной ярости он за собой не помнил. Мелькнула мысль, что не упали мужик на землю, он бы не раздумывая достал нож. Ну что за день такой выдался! Обычно по утрам людям не до скандалов, все спешат и озабочены, а вот сегодня – как с цепи сорвались. И на дороге сплошные аварии и драки...

Максим подошел к шевелящемуся на земле дядьке, заглянул в глаза – и отшатнулся. Откуда у того такая злоба, неужели не понимает, что сам первый начал драку? Лицо все перекошено, безумный взгляд и губу нервно покусывает. Такой дел натворит точно...

С ребятами прощание вышло скомканным. Всем было неудобно, все прятали глаза и отворачивались. Пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны, не оборачиваясь. Плохое, очень плохое утро! К головной боли добавился крупный озноб – он, кажется, заболевает.

Глава 2

Сварочные навыки

Дальнейший путь Максим прошел без приключений, но не психи на его пути закончились, а скорее он начал проявлять осмотрительность и осторожность. Сумасшедшее утро научило. Он больше не ломился напролом, а крался, часто останавливаясь и вслушиваясь в обстановку. И убедился, что не зря. Люди ссорились и психовали, водители припаркованных авто сделались неадекватными и газовали с места, сшибая мусорные баки и бетонные скамейки. Коты орали, собаки лаяли и выли где-то в недрах ядовитого тумана.

У него даже появилось объяснение массовому помешательству. Заводов в окрестностях Архангельска хватает, на одном из них произошел выброс, а тут ветер как раз в их сторону... И сотовую связь всего скорее отключили осторожные менты. Власти гасят панику у населения, и надо ждать спасателей и медиков. Гипотезу с выбросом подтверждал неправильный туман, по которому пробегали искры, похожие на разряды статического электричества. Жаль, что нельзя одним глазом заглянуть в инет. Интересно, что сейчас пишут в городских группах «В контакте»?

Таджик сидел, обернув плечи спальником, на корточках, и Максиму показалось, что он молится. Но Сухроб не молился – его руки обхватывали пол-литровую банку с крепким чаем, из которой он делал частые мелкие глотки. С виду на объекте все было в порядке – инструмент на месте, куча нарезанного уголка выглядела целой. Но работать в подобной обстановке невозможно, и Максим, в очередной раз с тоской посмотрев на дисплей мобильного, обратился к молчавшему таджику:

– Ну что, Сухроб, как ночь прошла? Рассказывай.

– Плохой ночь, Максим. Савсем плохой. В подсопка двери нету, и я всю ночь не спал. Боялся.

– Так ты что, вообще уснуть не мог? Ну, в подсобке – да, без дверей холодно. Но инструмент в торговый зал перетащить можно, а он закрывается.

– Какой спать, Максим, какой там спать? Сначала боялся, что вор или хулиган пьяный залезет, потом туман пошел. А утром все вокруг савсем с ума сошли. В машинах орет сигналка, собака лает и рядом три раз с травмат стреляли. Свет погас на улица, мобила не работает. Какой спать, Максим? Я подумал, начался революций, как в Таджикистан или Киргизия, но нет, не революций, в революций стреляют сильнее и по-другому.

Максим, как и подавляющее большинство сверстников, был немножко националистом. Последние иллюзии о дружбе народов из него выбила срочная служба, причем выбила в самом прямом смысле слова. В части ПВО, где он служил, столкновения между диаспорами происходили регулярно, он лично участвовал в коллективных драках и ушел на дембель с устойчивым чувством неприязни к представителям южных республик. Но жизнь – она такая штука, сложная... Гарик, к примеру, – адекватный, а Сухроб – вообще хороший и простой пацан. Макс вовсе не исключал, что при определенных обстоятельствах их лояльность к русским может испариться, но воротить нос от человека, который за тебя горой и прикрывает спину?

– Сухроб! Разжигай примус, поедим с тобой нормально. Одним чаем сыт не будешь. Только прикрой со стороны улицы. Черт его знает, кого на огонек занести может.

– Да, Максим, покушаем. У меня китайский лапша есть – много. И бульонный кубик.

– Гы-ы... Да выкинь, на фиг, свои бич-пакеты. Вот котлеты с пирожками, сало. Сухроб, кстати, ты свинину жрешь? А то у меня сало есть.

– Свинину не жру, а сало давай, порежу. Я не смотрел, с чего сало сделан, – значит, жру.

Впервые за сегодняшнее утро Максим увидел нормальную человеческую улыбку, и на душе немножко полегчало.

Несмотря на то, что котлеты с жареной картошкой и пирожки с рыбой выглядели аппетитно, кусок в горло лез тяжеловато. Обоих доставала тошнота и сладковатый запах, который, впрочем, стал немного меньше. Туман почти рассеялся, и в окно проглянул памятник Петру Первому, установленный посреди небольшой площади. Бодро рассказывающей о своей родине Сухроб начал клевать носом, и Макс отправил его в спальник, где тот моментально отрубился.

Он закурил сигарету, вышел на улицу и огляделся. Да, туман рассеялся, горелый запах почти не доставал, и Максим сделал вывод, что аварию ликвидировали или локализовали. Он щелкнул зажигалкой и внимательно посмотрел на пламя. Огонек горел ровно и не отклонялся ни на миллиметр. Значит, воняющий туман унес не ветер, и можно надеяться, что жизнь скоро наладится. Но улица? Утренний дурдом не только не закрылся, но и получил много новых пациентов. Перед глазами сновал народ, и поведение людей Макс не понравилось. Среди них наблюдалось много «торопливых» и похожих на утреннего мужика неадекватов, которые шли строго по прямой в различных направлениях. Шли, не выбирая дороги и бесцеремонно раскидывая по сторонам других людей.

И что удивительно, наглцов не ставили на место. Никто даже не пытался возмутиться – народ их просто игнорировал. И вообще, никто между собой не разговаривал и не общался – складывалось впечатление, что каждого интересовали исключительно свои проблемы, которые он мучительно обдумывал.

Неподалеку гулко бахнули три выстрела. «Помпась – двенадцатый калибр», – машинально зафиксировал Максим и инстинктивно сделал шаг назад. Вслед за дробовиком приглушенно защелкал пистолет – кажется, «макаров». Он решительно зашел внутрь помещения и захлопнул за собой входные алюминиевые двери со стеклянными окошками. Рядом с дверями располагалось защищенное от вандалов кованой решеткой панорамное окно, через которое открывался отличный обзор улицы. «Таджика, может, разбудить?» – мелькнула мысль, и тут произошло такое, что волосы на голове поднялись дыбом, а тело парализовало страхом.

Под рев мощного, со снятым глушителем, движка по улице летел сконструированный на базе внедорожника автомобильный монстр, от которого люди отлетали, словно кегли. Он не стремился объехать прохожих или предупредить сигналом – он просто быстро двигался, всех сшибая на своем пути. Рев мотора почти заглушал рвущийся из динамиков один из хитов группы «Ленинград», а наваренный впереди швеллер перерубал ноги мужчин, женщин и детей, которые даже не пытались отскочить в сторону или увернуться. Машина остановилась рядом с памятником Петру, и сразу захлопали выстрелы по несчастным, одурманенным неизвестной дрянью, людям. Расстояние до Максима не превышало тридцати метров, и он резко присел, не в силах оторваться от созерцания кровавой бойни.

Внедорожник имел форму пикапа. Неизвестный умелец отрезал задние сиденья, а место водителя и мотор прикрыл железными листами. Лобовое стекло отсутствовало, и его заменяли стальные шторы-жалюзи. Сразу за кабиной шел кузов длиной не менее трех метров, также со стальными бортиками и закрытый сверху клеткой из толстой арматуры. Вот как раз в той клетке и сидело несколько бойцов, паливших во все стороны из разномастного гладкоствольного оружия.

Не успел Максим переварить увиденное, как кровавый цирк продолжился. Рядом с фантастическим пикапом остановились еще две машины, укрепленные по тем же принципам, но машины грузовые и предназначенные для иных целей.

Автоцистерна на базе ЗИЛа имела в верхней части башню с пулеметом, в которой за решеткой прятался стрелок. Башня поворачивалась, но пулемет молчал. Зато с торца цистерны распахнулась дверца, и из нее высыпало человек десять бойцов десанта, вооруженных кирочками, похожими на сувенирные топоры. Бойцы сноровисто и без эмоций принялись всажи-

вать свои смешные кирочки в головы людям, а люди не спешили убегать и прятаться. Они, наоборот, молча напирали на бойцов с вытянутыми вперед руками. Бойню контролировал башенный стрелок, поводя вокруг стволом «Утеса», но открывать огонь не торопился. Зачем? Ребятам с кирочками ничего не угрожало. Максим не выдержал, и его вырвало.

Он скорчился, обхватив голову руками, и тихо плакал. В том, что их сейчас убьют, сомнений ни малейших. Всадят в голову игрушечный топорик или снесут полчерепа из дробовика. Страшно, очень страшно, но, кажется, пока убийцам не до них. Здание сотряс удар, посыпались осколки, и Макс снова приподнял голову над подоконником. Рядом с их кафе, переделанный под броневик джип вышиб бампером запертые на ночь двери магазина Спорттовары. Джип отъехал в сторону, и его пассажиры устремились в магазин, а место броневичка занял грузовой КамАЗ, со стальной кабиной и защищенным клеткой кузовом. В магазине, громко взревев двигателем, заработала болгарка.

«Болгарка? Как?! Неужели дали свет?» – мелькнула мысль, но Максим вспомнил про отрезные машины на вооружении спасателей и понял, что инструмент налетчиков работает на бензиновых двигателях. «Это они сейфы с оружием вскрывают», – он вспомнил, что «Спорттовары» имеют шикарный охотничий отдел. Догадка вскоре подтвердилась – из магазина выходили мужики и забрасывали в кузов КамАЗа ружья и карабины связками.

Сбоку зашуршало, Макс, замерев от страха, скосил глаза и заметил лежащего на полу Сухроба. Таджик давно проснулся и наблюдал за происходящим через узкое вертикальное окно входных дверей.

Несмотря на стрессовую ситуацию, Максим отметил четкие и слаженные действия бандитов. Пока одна команда выносила магазин, другая хладнокровно убивала рехнувшихся людей, число которых, как ни странно, совсем не убывало.

Вместо того чтобы забиться по щелям и не отвечать, люди сами шли на смерть, ложась десятками под кирками и редкими очередями из «Утеса». Присмотревшись более спокойно, Макс с изумлением подметил, что ни одна из жертв не делает попыток убежать, спрятаться или как-то защитить себя. Все совершенно непонятно. Просто за гранью восприятия.

А налетчиков интересовало не одно оружие. В решетчатый кузов грузовика летели стопки камуфляжа, связки обуви, рюкзаки, палатки и капроновые тенты. Загрузили даже пару велотренажеров. Закончилось все так же быстро, как и началось. Похоже, что их тут ничего, кроме «Спорттоваров», не интересовало. Водитель джипа громко посигналил, и все бандиты шустро расселись по своим местам. Уходили машины в том порядке, как и приехали. Впереди джип, за ним цистерна с пулеметом, и замыкал движение КамАЗ. Под колесами трещало и чавкало месиво раздавленных людей. Максима вывернуло второй раз за день.

Сейчас его срубило крепко – он сполз на пол и почувствовал, что отключается. Голова кружилась и болела, тошнота никак не проходила, и он серьезно испугался, что подхватил дозу радиации. После всего увиденного сильно захотелось выпить водки, и – неожиданно – в его губы ткнулось горлышко бутылки.

– пей, брат! пей, полегче станет.

Лицо Сухроба раскачивалось и плыло, но Макс взял бутылку и сделал несколько глотков. Минералка. Он выпил половину, остальное вылил на пылающую голову, и его немного отпустило. Таджик, во всяком случае, материализовался четко.

– Полегче, брат? Пойдем, сидеть нельзя – погибнем.

Увлекаемый Сухробом, Максим встал и с неохотой потащился следом, в сторону подсобки. Там посмотрел в открытый, выходящий на улицу дверной проем, и снова пол качнулся под его ногами. Прямо посреди проезжей части ели человека. Женщина лежала на асфальте, ее рвала толпа, и никто не делал попыток прервать это безобразие.

Макс начал отрубаться, но в голове красивым веером взорвался фонтан брызг, и он не сразу понял, что это не желанный сейчас обморок. Это Сухроб залепил ему звонкую пощечину

и следом навалил еще одну. Потом еще пощечина, еще... Примерно с пятой реакция на удар сработала, Максим схватил таджика за отвороты куртки ис силой вlepил в стену. Хотел ударить кулаком, но обессиленно обмяк, увидев знакомую улыбку.

– Чего дерешься, совсем с ума сошел?

– Я не сошел. С ума он сошел, людей жрет. – Таджик красноречивым жестом показал рукой в проем, через который просматривалась улица. – И нас придет сожрет, если не закроемся! Работать надо, Максим, проход быстро закрывать!

Он был, безусловно, прав, и работа закипела. Генератор весил килограммов восемьдесят, но Сухроб в туалет втащил его один. «Ямаха» – хорошая машинка, тихая, и в маленькой туалетной комнате ее совсем не будет слышно. Максим понял замысел Сухроба, когда подошел вплотную и осмотрел проем, откуда вчера вырезали двери. На их месте сейчас торчали два вертикальных швеллера, вмурованных еще строителями здания.

Макс, внимательно осматривая швеллеры, одобрително хмыкнул и включил сварочный инвертор. Сухроб согласно кивал черной шевелурой, выдернул несколько уголков из кучи, и дело пошло. Варили крест-накрест, друг на друга и как получится. К моменту, как их заперленговали психи, проем надежно закрывала хаотичная решетка из приваренных к швеллерам и схваченных между собой уголков. Но ненормальные вели себя тревожно, они не уходили, давили на решетку и пробовали дергать. Сухроб метнулся к куче инструмента, дернул перфоратор и схватил гроздь крупных анкеров.

От выхода на улицу в помещение самой подсобки вел коридорчик длиной метра четыре и шириной метра полтора. Максим после короткого раздумья решил, что им повезло еще раз. Сухроб сверлил в стенах множество отверстий, и Макс закручивал ключом-трещоткой анкера. Снова сварка, снова уголки – и вскоре коридор стал напоминать сплошного четырехметрового ежа, ограниченного по бокам стенами. Уголки пересекали его хаотично и во всех возможных направлениях. Вот теперь можно перевести дух, но неугомонный Сухроб снова тормозит и показывает в сторону торгового зала.

О господи, ну и зверинец! Решетку на большом окне облепили психи, собравшиеся, похоже, со всей улицы. Оскаленные морды, царапающие двери пальцы – и кровь. Кровь везде: на одежде, вклученных волосах, вокруг ртов и на протянутых руках. Одеждой рехнувшиеся горожане вообще не заморачивались. Максима поразила голая по пояс толстая старуха с обвислой обнаженной грудью. Она бездумно дергала за прутья и, вероятно, издавала звуки, не различимые за закрытыми дверями. Грудь колотилась о решетку в унисон движениям, что чокнутую бабку нисколько ни смущало.

Быстро сообразив, что оборонять торговый зал им не по зубам, ребята перетащили все полезное в подсобку, куда теперь врагам добраться не так просто. Их от зала отделяют сразу две двери. Одна дверь – так себе. Мало того что китайский ширпотреб, так еще и с окошком, в которое худой псих при большом желании пролезет. Зато другая! Мощная, как в милицейском спецприемнике, решетка, сваренная из арматуры толщиной шестнадцать миллиметров. Песня, а не дверь! А налепить дополнительных анкеров в стены и приварить к ним раму, серьезно укрепив конструкцию, – дело десяти минут, что ребята, не откладывая, и сделали. Закончив сварку, Макс сел на кучу уголка, вытер пот со лба и с улыбкой посмотрел в лицо Сухроба. Голова болела и тошнило, но ноги больше не дрожали, и он готов был драться хоть сейчас. И жажду к жизни ему вернул именно таджик.

Глава 3

Схватка с Кинг-Конгом

Он закурил, немного успокоился, и воспаленный мозг обожгла мысль: «Ленка! Как они там с дочкой? Отбиваются подручными средствами от психов, запершись в квартире, или, того хуже, бродят по улицам с оскаленными мордами?» От таких предположений его пробил дрожь. Так... Спокойно... Дышать глубже – отсюда ничем им не поможешь. Сначала надо вырваться. И Ленка... Сможет ли оказать достойное сопротивление?

В том, что его супруга порвет любого за ребенка голыми руками, Максим не сомневался. И зачем голыми руками? В квартире полный сейф оружия, а код замка простой. Дата их первой с Леной встречи. И стреляет она лучше многих мужиков – сам лично обучал. Не, психи в его квартире обязательно нарвутся на отпор. Тем более что дверь надежная – варил сам, лично. Первая его работа, которую он сделал сразу, как вселился.

А вдруг Ленка с дочкой тоже умом тронулись? Так! А вот об этом лучше вообще пока не думать. Да и маловероятно, что облако тумана их достало. Жил он в районе железнодорожного вокзала, а туман накрыл недалеко от набережной. Расстояние приличное, и успокаивало то, что когда он выезжал с дома, никаких туманов не заметил. Весь треш начался в противоположном конце города. Так что, судя по всему, пострадал район вдоль Северной Двины, который уже вовсю дербанят мародеры. А вот почему власти спят и не реагируют, неясно.

– Сухроб, что делать дальше будем? – спросил он у таджика, который разжигал примус и наливал в котелок воду из бутылки.

– Как «что»? Сейчас чай вскипятим, лапша заварим.

– Да какая лапша? Смотри, что вокруг делается!

Железобетонное спокойствие товарища одновременно восхищало и бесило. Хорошо ему тут рассуждать – вся семья в Таджикистане. Сухробу по большому счету всего-то надо из капкана вырваться и добежать до поезда. А вот нам, местным, отступить некуда. За спиной Белое море и Северная Двина.

– Максим, ты не переживай! – Сухроб, словно прочитав мысли, подошел и по-дружески толкнул в плечо. – Это террористы! Они вода травили, водка паленый привезли – кто выпил, тот с ума сошел! Армия придет, менты придет, ФСБ, спецназ. Терпеть надо – тут ждать. Тебя-меня Аллах любит – все заболели, а мы остался умные!

– А ты точно уверен, что мы здоровые? У меня голова разламывается, и тошнота. Уже три раза вырвало. Или четыре? – Сколько раз его вывернуло за сегодня, вспомнить никак не получилось.

В ответ раздалась длинная витиеватая тирада на таджикском, и Сухроб с размаха пнул ногой обломок кирпича.

– И мой башка болит! И рвал два раза – ты не видел! Держаться надо, понимаешь ты – держаться! Власть террорист убьет, и всех в больница – вылечат. Мне обязательно гражданство даст. Всех, кто терпел, наградить будут и гражданство дать.

Вот черт! Поднял все же настроение...

– Сухроб, скажи, зачем тебе гражданство? В Таджикистане тепло и дыни, персики. А у нас тут холодно, и толпы психов ходят.

– У вас есть работа, ты панимаишь – рабо-о-ота! Деньги платят – жениться можна и семья кормить. В Таджикистан работа тоже много, но нет денег. Савсем мало.

Как ни странно, но китайская лапша из «бич-пакетов» прижилась неплохо, а противный привкус Сухроб убил жгучим перцем чили. Пожар во рту Макс погасил чаем, налил еще чашку и, держа ее в руке, подошел к закрытым дверям в торговый зал. Заглянув в окошко, он никаких

изменений не заметил. Психи по-прежнему топтались у окна и попыток вломиться не предпринимали. На его плечо легла рука таджика.

– Максим? Постой тут, мне в туалет торговый зал надо.

– Да ты с ума сошел! Какой торговый зал? Вон в углу ведро пустое – туда хезай, потом вывалим. Все равно воды нет во всем здании. Недавно вместе кран пожарный в подсобке открывали и смотрели.

– Не-е, я не хезать. В туалет есть вода, в сливной бачок есть. Он большой и всегда полный. И вода в нем чистый. Китайский лапша есть, бульонный кубик есть, а что пить будем? Вода остался совсем мало.

В подтверждение серьезности намерений Сухроб потряс перед Максимом новеньким оцинкованным ведром, куда ему только что предлагали оправляться. Еще он держал в руках пустую пятилитровую бутылку и эмалированную кружку.

План Максу понравился, но сначала следовало вооружиться. Помня, как лихо мародеры работали своими кирочками, ребята запустили генератор, и Максим быстро сделал две подобные. В качестве ручек отлично подошли обрезки водопроводных труб, а острые клювики Сухроб вырезал из уголка. Клювики приваривали не на конец трубы, а отступив десять сантиметров. Выступающие концы обрезали наискосок, заточили, и кирка получила возможность не только рубить, но и колоть, подобно пике.

Руки Сухроб занял ведром с бутылкой, а новое оружие брать с собой отказался наотрез. Максим, поспорив, согласился и вручил смелому таджику выкидуху. Договорились, что если «пойдет замес», то он катнет тому кирку по полу или просто бросит.

Наконец решили, что подготовились достаточно. Макс, стараясь не шуметь, приоткрыл дверь в торговый зал, Сухроб встал на корточки – и побежал, как собачка, к туалету. Но с самого начала все пошло неправильно. Оказывается, пока они мастерили свои кирки-топорики, на шум болгарки и отблески сварочной дуги к кафе сползло все сумасшедшее сообщество. И почему они решили поохотиться именно на них? Жрали бы друг друга! Чем, например, плоха вон та старуха с сиськами?

Но психам понравился именно их торговый зал, и бросок Сухроба к туалету не остался незамеченным. Голодная биомасса четко засекала в окно движение и тупо навалилась на слабые входные двери из стекла и алюминия.

Вся конструкция опасно выгнулась и затрещала. Почти сразу одна из створок распахнулась под напором, и зал наполнился низким горловым урчанием. Таким примерно, какое издает голодный кот над только что добытой мышью. Сухроб, как только понял, что именно случилось, дико закричал от страха, чем показал, что сделан вовсе не из кремня. Макс хаотично заметался в дверях подсобки, не зная, как лучше поступить, и психи повалили всей толпой на таджика.

Как ему могло прийти в голову схватить углекислотный огнетушитель, Максим и сам потом не понял! Сколько раз ходили мимо, запинались и откидывали в сторону, но не возникало даже мысли использовать вполне мирный предмет в качестве оружия. А сейчас он не раздумывая заскочил в подсобку, нашарил взглядом ярко-красный бок и, выдернув кольцо, нажал рычаг. Огнетушитель не сработал! Макс в отчаянии ударил латунной верхушкой о стену, раздалось громкое шипение, и он запустил снаряд в торговый зал.

Психи огнетушителя не испугались. Они просто замерли на несколько секунд, тупо уставившись на крутящийся по полу и извергающий белое облако загадочный предмет. Но несколько секунд, оказывается, – много. Это очень много! За это время можно, например, подцепить киркой прижатого к полу Сухроба и резко дернуть в свою сторону. Сухроб тоже молодец – не растерялся и помог! Вцепился в крюк и мощно оттолкнулся ногами от кучи тел, подаваясь навстречу Макссу. Но вот дальше...

А дальше спасенный, почувствовав свободу, вскочил на ноги, выдернул из кармана выкидуху и принял боевую стойку, выписывая острым лезвием вокруг себя восьмерку. Он явно намеревался дать бой тем, кто его только что хотел сожрать.

Обалдевший от столь яркой вспышки кретинизма Макс подбежал сзади, схватил грозного воина за шкуру, развернул и вколотил пинком под зад в дверной проем подсобки. На этом выход за водой закончился, и за событиями в зале они наблюдали через окошко запертых дверей.

Максим внимательно осмотрел спасенного и понял, что того выручила привычка всех бомжей и гастарбайтеров одеваться с запасом и тепло. Привычка хорошая, болеть подобной публике нельзя ни в коем случае, так что от укусов таджика уберегли два свитера, две пары штанов и суконный строительный костюм. Но тем не менее ему успели прокусить шею, из головы выдрали клоч черных и жестких, как проволока, волос и едва не вывернули левую руку из сустава, которой он сейчас крутил по воздуху, выясняя степень повреждения.

«Та-та-та-та!» – оглушительно прогрохотала очередь из «Утеса», и оба приятеля, не сговариваясь, прилипли к окну в дверях. Большое стекло у входа с грохотом осыпалось, тяжелые пули калибром двенадцать миллиметров влетали в зал, и почти каждая из них находила свою цель. Отлетали руки, ноги, смачно взрывались головы, и стены покрывали сплошные кляксы крови. Ребята почти сразу завалились на пол, но пулеметный огонь внезапно прекратился. Для гарантии полежав немного, Макс поднялся и осторожно выглянул в самый край окошка.

Ему казалось, что, учитывая рикошеты, в зале должен остаться мясной фарш, но не тут-то было. Психов выжило достаточно, и они спокойно выходили, как будто ничего не произошло. Выходили безрукие, с развороченными животами и висящими кишками, и шли они прямо по тем, кому пулями оторвало одну или обе ноги. Лежачие сосредоточенно ползли в сторону выхода, ну а там всех заботливо принимали знакомые ребята с кирками.

Максим смотрел на происходящее широко раскрытыми глазами, рядом пыхтел Сухроб, но кровавое представление начало принимать угрожающий характер. Угрожающий конкретно им двоим. Быстро упокоив самых шустрых, убийцы, не прекращая поднимать и опускать свое страшное оружие, медленно зашли в кафе. В торговом зале оставались тяжелораненые или не успевшие выбраться на улицу безумцы, и палачи намеревались завершить свою страшную работу.

Тихо, очень тихо Максим просунул в проушины двери-решетки электрод, загнул его и закрутил оба конца в спираль. После секундного раздумья взял еще один и проделал то же самое. Закончив, сделал знак рукой Сухробу, и они переместились в другую часть подсобки – к служебному выходу на улицу, надежно перекрытому приваренными утром уголками.

Теперь, даже если убийцы вышибут окно в китайской двери, то решетка их на время остановит, а таджика с Максом с этой точки не заметно. Пусть посмотрят, убедятся, что ничего ценного тут нет, и валят на все четыре стороны. Маловероятно, что жалкое имущество ребят грабителей заинтересует, а главную ценность – генератор, Сухроб вовремя задвинул в туалет подсобки.

Но, на их счастье, к ним вламываться никто не собирался. Подошли, пару раз ударили киркой в двери – и свалили по своим делам, до трясучки перепугав приятелей. Выглядывать в дверное окошко было страшно, и Максим попробовал следить за улицей через закрывающие выход уголки.

Прямо перед кафе стояла переделанная в бронетранспортер цистерна с пулеметом. Заметно шевелился боец в башне, а вот разглядеть их в глубине помещения, да еще через лес уголков, проблематично. Да и стрелок в их сторону не всматривался. Он водил длинным стволом в разных направлениях и старался контролировать ближние и дальние подходы. Рядом с цистерной притулился тот самый джип, и если сильно извернуться, можно разглядеть тор-

чащий уголок КамАЗа. Мародеры завернули в «Спорттовары» вторым рейсом и сейчас загружали барахло.

Максим с Сухробом, тихо переговариваясь, наблюдали за процессом, как вдруг пулеметчик резко крутанулся вместе с башней и выдал длинную, примерно в половину ленты, очередь. Поддерживая его, захлопали выстрелы из дробовиков, и ребята уже привычно легли на пол. А в следующий момент произошло невероятное – на площадь у кафе выскочил Кинг-Конг! Ну как еще назвать огромную, высотой не менее трех метров, обезьяну? Вот только обезьяну безволосую и всю покрытую пластинами, похожими на хоккейные щитки. Но детали Максим рассмотрел плохо – уж слишком быстро обезьяна двигалась.

Кинг-Конг легко запрыгнул на цистерну и одним движением загнул длинный ствол «Утеса» под девяносто градусов. Потом схватился толстыми ручищами за прикрывающую стрелка решетку и, громко хекнув, как штангист, выдрал башню из гнезда вместе с пулеметчиком. Вернее, с верхней половиной пулеметчика. Нижняя, с ногами, осталась в глубине цистерны, и связывали обе половинки длинные лиловые кишки. По Кинг-Конгу отовсюду стреляли из разнообразного оружия, но стрельба не причиняла обезьяне ни малейшего вреда. Тварь взмахнула башней и, словно волейбольный мяч, метнула ее в направлении стрелков. Грохот выстрелов разбавил крик раздавленного человека.

Потом Кинг-Конг начал развлекаться. Он содрал жалюзи с кабины автоцистерны и вытащил визжащего от страха мародера. Перевернул на крышу джип и устроил охоту за стрелками. Ответный огонь заметно поредел – похоже, что отважные грабители предпочли спрятаться. Исход схватки сразу стал предсказуем и понятен. Разгром каравана налицо, но неожиданно свирепая горилла замерла на месте.

Из подворотни или мусорных бачков выскочила мелкая, похожая на таксу, шавка и принялась осыпать несокрушимого Кинг-Конга противным визгливым лаем. Впрочем, ближе чем на десять метров шавка к нему не подбегала. Монстр моментально забыл про мародеров и кинулся на собачонку стремительным прыжком. Но ничего не вышло – псина мало того, что увернулась, так еще и успела его цапнуть сзади за подъем стопы.

Веселье продолжалось долго. Они носились кругами вокруг памятника, монстр, словно игрушечные кубики, раскидывал мусорные баки, между которыми собачонка пряталась, перевернул несколько припаркованных машин и своего добился. Шавка выдохлась. Понимая своим слабеньким умишком, что пора заканчивать, она, увернувшись на ходу от брошенной чугунной урны, спряталась в самом безопасном месте, до которого смогла добраться. Шмыгнула между наваренными поперек прохода уголками, проскользнула и прижалась к ногам обалдевшего Максима, дрожа всем своим маленьким и слабым тельцем.

Глава 4

Перс и Фаза

Здание едва заметно дрогнуло. Толчок не такой мощный, как при землетрясении, но сидящий на полу Максим почувствовал вибрацию вполне отчетливо. Кинг-Конг, перед тем как с размаху влететь в уголки, сгруппировался, прыгнул и ударил всем своим немалым весом. Конструкция выдержала, но прогнулась внутрь. Сварка местами отломилась, а вмурованные в стену швеллера вывернулись, брызнув по сторонам кусками штукатурки.

Монстр явно развлекался и наслаждался своей силой. Несколько уголков он выдрал с мясом, некоторые порвал длинными ручищами, потом схватил чугунную литую урну и начал ей работать, как тяжелым молотом. Если удавалось выдрать уголок, то чудище принималось им торжественно размахивать и в итоге запускало в направлении редких, одиночных выстрелов. Но конструкция сдаваться не желала. Ребята со страху вбухали в нее столько железа и так его хаотично наварили, что потеря отдельных частей на общей прочности почти не сказывалась.

В итоге монстр начал заметно уставать. Он делал паузы, перешел с бега на шаг, и у Максима возникла робкая надежда, что их оставят наконец в покое. Но не тут-то было. Устал монстр, а собачонка не только отдохнула, но и уверовала в свою неуязвимость. Стоило тому ослабить напор и остановиться, вертя уродливой башкой по сторонам, как шавка проползла под уголками, кинула острыми зубами за толстый палец на ноге и зашлась противным лаем, унижая грозного соперника. Вот с этого момента за них взялись всерьез. Без размахивания в воздухе выломанными уголками и метания их в выглядывающих из укрытий мародеров.

Кинг-Конг конструкцию больше не долбил чугунной урной. И не пытался ее целиком вытащить на улицу, освобождая вход. Он начал ее методично расшатывать и дергать, проделывая нору под размер своего тела. Огромные, доходящие до коленей руки вытянулись и перебирали сваренные уголки, испытывая их на прочность. И слабые места, само собой, нашлись. То, что отдиралось, отдирал, а то, что с одного бока отламывалось, – заворачивал и отгибал в сторону.

Монстр упорно продвигался, и когда он втиснул свою тушу в проход до половины, Максим понял, что они умрут сразу, как будет отброшен последний уголок. Разумеется, можно попробовать выбежать на улицу через торговый зал, но их точно нагонит и кончит эта обезьяна. Судя по тому, как она ловко продвигается, с сообразительностью там все в полном порядке. Да и вообще, кто сказал, что перед ними обезьяна? Максим внимательно всмотрелся твари в морду. На обезьянью она не походила даже отдаленно.

Башка с жидкими клочками шерсти ассиметрична, и одна половина больше, чем другая. Челюсти мощные, зубов два ряда. Монстр сжимал челюстями уголки с такой силой, что металл сминался и деформировался. Кисти рук с острыми когтями, еще имелись своеобразные шипы-наросты, похожие на средневековые кастеты. А взгляд, что это был за взгляд! Маленькие глазки из-под надбровных толстых дуг все прожигали ненавистью, словно лазером.

Из оцепенения Максима выдернул таджик. Он его резко оттолкнул, просто смел с дороги, и в морду твари вонзился остро заточенный конец недавно изготовленной кирки. Монстр коротко уркнул, наклонил, защищая глаза, голову и ловко поймал кирку за клюв. В следующий момент она оказалась согнута в дугу и брошена на пол.

– Макси-и-им! Гинеиратор!

Что таджик хотел сказать, Макс тогда не понял, но в подобные моменты положено не переспрашивать, а подчиняться, и безотказная «Ямаха» затарахтела в туалете. Сухроб тем временем схватил круглую бобину электрического удлинителя и одним движением смотал длинный кусок кабеля. Сверкнуло лезвие ножа – он отрезал провод от бобины и принялся зачи-

щать изоляцию до меди. Максима осенило – замысел таджика до него дошел. Им срочно нужна палка подлиннее! Именно палка, а не труба или уголок. А еще – скотч или изолента.

Палки в подсобке, разумеется, имелись, и даже не одна, а несколько на выбор. Метлы, швабры, лопаты для уборки снега, но Максим не раздумывая выбрал флаг и первым делом с хрустом оторвал полотнище. Быстрее надо действовать, быстрее, а изолента, как назло, не попадалась. Он вытряхнул коробку с разной мелочью и обрадованно ухватил пластмассовые хомуты в рваной упаковке. Именно хомутами он судорожно пристегнул вилку к концу палки и жестко зафиксировал. Зачищенные Сухробом провода аккуратно вставили в гнездо розетки работающего генератора.

Планы ребят Кинг-Конг понять не мог, но шум генератора ему не понравился, и он заработал активнее. Самая трудная часть завала была уже разобрана и раскурочена. Монстр висел в частокле углов примерно в полуметре от земли, ему оставалось сделать всего несколько рывков, но Максим присел и воткнул палку снизу, в район паха.

Крика или вопля как такового не было – тварь дернулась и издала низкочастотный горловой звук, от которого хотелось плотно заткнуть уши. Рывок вперед – безрезультатно, рывок назад – и в мощное туловище уперлись им же загнутые уголки. Кинг-Конга заколотило крупной дрожью, и он судорожно заметался в стальном капкане.

Само по себе напряжение в двести двадцать вольт для такой туши болезненно, опасно, но точно не смертельно. Тут все зависит от хорошего контакта, длительности действия и пройдет ток через сердечную мышцу или нет. Длительность воздействия с контактом успешно обеспечивал Максим, вонзая торчащую на конце палки вилку в такие места, куда не доставали лапы монстра. А заземление обеспечивала вся конструкция из уголков, завязанная на проходящую по стенке трубу водопровода.

Сердечная мышца, где ты? В каком месте огромного, покрытого щитками, туловища? Искать вилкой сердце глупо, к тому же непонятно, где именно оно у чудища находится, – тут как повезет. Но зверю не повезло в другом. С улицы оглушительно бабахнул выстрел крупнокалиберной винтовки. Максим от неожиданности дернул палкой, концы вилки коснулись уголка, и сверкнула вспышка. Генератор отключился и замолчал – сработала защита от замыкания. Хлопнул еще выстрел. Пуля, срикошетив от металла, выбила кусок штукатурки из потолка. Потом с отчетливым лязганьем затвора стреляли еще дважды. Кинг-Конг больше не шевелился, и под ним собиралась большая лужа крови.

– Эй, свежак! Живой? Пулей не задел? – раздался бодрый голос с улицы.

Макс с Сухробом вопросительно переглянулись. Шавка истошно взлаяла на голос, и таджик замахал руками, требуя заткнуться.

– Эй! Ты там быстрее отвечай! Нам тут с тобой сопли жевать некогда.

– Да жив я, жив. Чего хотел? – отозвался Макс, не зная, что ожидать от незнакомого стрелка.

– Вылазь давай, поедешь с нами! – в разговор вступил прокуренный и низкий голос.

Свободолюбивого, вот уже много лет не имеющего над собой начальников шабашника приказной тон говорившего возмутил и покоробил. Кроме того, они с таджиком после удачного отражения атаки монстра испытывали некоторую эйфорию. Ответ Максима соответствовал их настроению и обстановке:

– Да ты, дядя, кто вообще? Вот щас я выскочил и побежал за тобой следом! Может, вы там заложников берете и людьми торгуете?

– Баран пустоголовый! – снова заговорил веселый. – Да мы тебя спасти хотим от смерти, понял? Ты один тут через сутки сдохнешь!

– Кто баран? Зачем баран? Да я весь твой род, весь твой домовый книга... – заступился за друга Сухроб и подкрепил сказанное эмоциональной тирадой на незнакомом языке.

В ответ раздался гогот как минимум четырех глоток.

– Да вас тут чего, двое? Еще чурбан с тобой? Не ссы, копченый, тебя заберем тоже!

– Шаакал ты ванючий, свинья, собака! Ты людей убивал кирка в голова – я видел! Тебя в турьма посадить или застрелить нада!

– Каких людей, ты что, копченый, вообще рамсы попутал? Мертвяков мы били! И запомни – мер-твя-ков! Если их не бить, то потом вырастают вот такие руберы, который вас чуть не порвал только что. Кстати, чем вы его так прижарили, неужели электричеством? Ребята вроде слышали – генератор тарахтел. И запомните, что все, кого мы бьем, уже не люди. Они зараженные, а теперь твари мутировавшие, понял?

Мародер складно барабанил, и Максим слушал его с интересом. В голове крутилось множество вопросов, но оскорбленный Сухроб их задать не дал и взвился как ужаленный.

– Ты сам тварь копченый! Магазин грабил, людей заражал, убивал кирка! Какой мертвый, зачем мертвый – он ходит, он просто с ума сошел. Менты придет, приведет врач – сумасшедший вылечит. А тебя будет в турьма сажать. Абизьяна тоже ты привез и выпустил! Такой в зоопарке ни бывает.

Сухроб перевел дух и, услышав в ответ коллективный смех, продолжил расписывать мародерам их незавидное будущее более спокойно:

– Тебе бежать быстрее нада. В Сирию или Ирак бежать нада, на война. Там от ФСБ прятать будут, от ментов, но пи...сом будешь.

– Это почему я там обязательно пи...сом буду? – обиженно, под общий хохот, спросил «бодрый», но Сухроб начал успокаиваться. Ругаться надоело, и он ответил ровным голосом: – Ты за базар не слидишь савсем, плохое говоришь про человек, а такой пи...ас сразу.

– А ну, заткнулись! Быстро! Эй, парни, выйди кто-нибудь на свет, говорить будем! – раздался властный незнакомый голос.

Макс подошел вплотную к искореженной стальной баррикаде сдохлым монстром. Со стороны улицы стоял невысокий коренастый человек, почесывая черную окладистую бороду. Он поднял руку и, не дожидаясь приветствия, продолжил:

– Значит, так, хлопцы. Как бы вы к нам не относились, но прислушаться в ваших интересах. И знайте, что никто и никого силком не тащит. Если слушать не желаете и все знаете сами – только скажите. У нас двое тяжелораненых, и особо базарить с вами некогда.

– Нет, ты говори, мы слушаем. Мы слушаем тебя очень внимательно! – Максим дернул за плечо Сухроба, делая знак помалкивать.

– Вот и ладошки, что слушаешь. Меня Цыган зовут, а тот, кого твой друг хотел заделать пи...ом, – Лимон.

– А почему не по именам? Одни собачьи клички. Вот мы – Максим с Сухробом.

– Тут нет Максимов и Сухробов, хорошо запомни! – рявкнул коренастый. – Тут есть Кузбасс, Солдат, Бацилла, Чика. Это я тебе ребят своих перечисляю. И вас крестить по-новому положено. Ты Фазой будешь – больно ловко рубера током ушатал.

– Ага, а твой друг – Копченый! – подал голос тот, кого Цыган представил как Лимона.

Сухроб издал непонятный булькающий звук, но достойно ответить не успел – его перебил Цыган:

– Не, Копченый не годится, обидное имя для таджика. Парень, ведь ты таджик, я верно понял?

– Да, таджик. Сухроб зовут, – осторожно ответил Сухроб, готовый отреагировать на очередной подкол или издевку.

– Таджикский язык происходит от персидского. Так что, если мы тебя, Сухроб, в Перса перекрестим, не обидно будет?

– Перс? Харашо. Пусть Перс. Ни абидна. Капченый не нада, за Капченый драться будем!

– Ну вот, полдела сделано – имена вы, ребята, получили. Теперь второй вопрос – вы с нами или нет? Отвечать прошу быстро и четко, потому как если вы с нами едете – расклад один, если остаетесь – расклад совсем другой.

Повисла пауза. Максим с Сухробом вопросительно переглянулись.

– Ты вроде рассказать нам хотел еще чего-то?

– Ох, ребята, если бы вы знали, как нам некогда! Но вы помогли нам заколбасить рубера, а такая помощь стоит дорого. На его туловище мало уязвимых мест, и все они закрыты. Но у вас получилось обездвижить тварь, и Чика ее с винтаря в упор заделал. Ладно, постараюсь объяснить доступным языком для новичков. Вы, ребятки, попали в такую задницу, откуда выхода нет и никогда не будет. Нет тут ментов, армии, школ, больниц, заводов. А есть только за каждым углом смерть, ненависть и куча желающих вами пообедать. Но имеются спокойные места, и мы зовем их стабами. Что означает «стабильный кластер». И в них подобная хрень с перегрузками почти не происходит. Там расположены поселения людей, почти нет тварей, и именно в такое место мы сейчас вас приглашаем. Придете в себя, осмотритесь, с народом пообщаетесь и решите сами, как жить дальше.

Договорить Цыгану помешал хорошо знакомый посторонний звук. Из глубины подсобки почти не видно небо, но шум работающих вертолетных двигателей ни с чем другим спутать невозможно. Мародеров как ветром сдуло, а ребята готовы были прыгать и кричать от радости. Перевернутый и сошедший с ума мир снова встал на место. Мир такой уютный и домашний. С полицией, судами, работающими магазинами и безопасными для прогулок улицами.

Вертолеты сделали круг над кварталом, послышались хлопки ракет и характерный треск работающих пулеметов. Любому дураку понятно, что в ситуацию вмешалась армия, и надо ожидать зачистки местности. Скоро, очень скоро на перекрестках встанет бронетехника, заработают посты, и откроются обозначенные красными крестами пункты помощи. А суровые мужики в касках и бронежилетах вычистят с улиц нечисть и обязательно разберутся с мародерами, которые наверняка уже удирают прочь.

Но вертолеты улетели, а суровые мужики в бронежилетах пока ничем себя не обозначили. Да и мародеры, оказывается, убежать не думали. Дверной проем снова заслонил Цыган.

– Все, мужики, время зажало окончательно, пора нам сваливать, и мне нужен ответ. Вопросы зададите по дороге.

– Не, Цыган. Давайте вы без нас уедете, а мы тут подождем армию с полицией. – Макс с трудом сдерживал восторг.

– Так вы подумали, что... Идиоты! Это были вертушки внешников! Запомните – внешники гораздо хуже и опасней тварей, они таких, как вы, лохов на органы раскидывают и в свои миры увозят. А вообще, все, базар закончен, оставайтесь. Но сначала возьмите живчик и берегите как зеницу ока! Запомните, живчик – это жизнь, и употребляйте его по глоточку, как лекарство.

По полу под висящим рубером в сторону ребят катнулись две бутылки с жидкостью. Максим их поймал, открутил у одной крышку и понюхал. Пахло приятно, но пробовать на язык он не решился.

– Цыган, чего в бутылках?

– Лекарство. Голова болит? Тошнота мучает? Можешь не отвечать, я и так знаю. Глотка три сделай и подожди немного. Придешь в норму, гарантирую. Еще оставляем вам у входа две упаковки минералки, консервы разной и сухпаев армейских.

– А вы, я смотрю, добрые. К чему бы это?

– Это к тому, что в мире, где ты сейчас находишься, жратва – говно. И барахло всякое – говно. И денег нет, и золото – пустой металл.

– А что не говно? – спросил Максим заинтересованно.

– А не говно – моча, – сострил встрявший в разговор Лимон. И уже с серьезным видом продолжил: – Патроны, гильзы, капсюли, пули, мощные стволы, любые пулеметы. В стабах навыки полезные высоко котируются. Если ты хороший химик, электрик, кузнец или по машинам здорово сечешь, то все у тебя в порядке будет – и живец, и женщины, и жратва вкусная.

– Живец – это то, что вы нам сейчас в бутылках кинули?

– Да, он. И запомни: без живчика в мире Стикса смерть. Быстрая и неприятная. Только не спрашивай, из чего его делают, пусть тебе это другие объясняют. И расскажут заодно за горошины, спораны, жемчуг. Основная валюта зоны – именно они. А мы, извини, торопимся, у нас ребята умирают.

– А Стикс? Что такое Стикс?

– Стикс, Фаза, – общее название той задницы, в которую нас всех забросило, понятно? – снова вступил в разговор отходивший в сторону Цыган.

В руках у него красовался помповый «мосберг» в смазке, при взгляде на который у Макса потекла слюна.

– Цыган, а Цыган. За продукты благодарим, но, может, на прощание стволов подкинете? Вы их в «Спорттоварах» хорошо подняли. Тут, сам понимаешь, твари всякие...

– Зачем тебе, Фаза, криминальный ствол? – голос Лимона звучал ехидно и с издевкой. – Тебя скоро армия со спецназом выручать приедут, только подождать немного надо. Сидишь себе спокойно, халявную консерву лопаешь да минералкой запиваешь. А стволы с магазина краденые, полиция всякие вопросы задавать начнет... Зачем тебе лишние проблемы, Фаза?

Над ними явно насмехались, но возразить Лимону было нечего. Да и не хотелось спорить, а вот ружье иметь хотелось. Максим скосил взгляд на Цыгана, тот все понял верно и вмешался:

– Хорош, Лимон, над свежаками издеваться! Мы все такими в свое время были. А ты, Фаза, если хочешь «мосберг», заработай.

– Я готов, что надо сделать? – бодро отозвался Макс.

В скорое появление силовиков он верил и уходить с мародерами не собирался. Но столкнуться с очередной тварью, имея в качестве оружия кирку и нож, не улыбалось совершенно.

– Да пустяк, не парься. Башку руберу отрезать надо и нам выкинуть. А то застрял он в ваших железках, просто так не выдернешь. Или откройте двери в зале, Лимон зайдет и сам все сделает. Гы...

– Башку монстру? Да мне ее никак...

Вместо ответа по полу прилетел огромный нож – мачете с широким длинным лезвием.

– Давай, Фаза, смелее! Только смотри, башка обязательно должна быть вместе с шеей! Режь не под черепом, а как можно глубже в плечи. А то смотри, повредишь самое ценное... Как голову выкатите – с нас сразу «мосберг», «вертикалка» и пятьдесят патронов. Картечь и пулевые. И нож себе можете оставить. Ох, знал бы ты, парень, сколько еще разных бошек вскрыть придется...

Отрезать голову ножом не получилось. Ее Сухроб отпил бензопилой, которую им подали заботливые мародеры. Максим завел генератор, они вырезали болгаркой мешающие процессу уголки, и Сухроб отпил голову, перепачкавшись кровью от ботинок до самой макушки. Мародеры с ними поступили честно и ружья с патронами отдали. А еще добавили десятилитровую бутылку воды от кулера, зимний костюм рыбака – Сухробу и пару кирок, которые правильно назывались «клювами».

– И запомните, ребята, – вещал напоследок Цыган, – выходите строго в южном направлении, пока в стабильный кластер не упретесь. Что это такое, разберетесь и в любом случае мимо не проскочите. Живчика мы вам хорошо отсыпали, но помните, что в больших дозах он ядовит, так что себя сдерживайте и не увлекайтесь. Голова прошла, больше не тошнит – и все, хорош, бутылку с глаз долой, в рюкзак. Тут долго не задерживайтесь – кластер только пережизвился, и сюда сейчас вся погань лезет. А вы для них – жратва, и жратва вкусная. И рубера

дохлого не трогайте, пока не завоняет. Если тут торчать намерены, то знайте – его труп всю слабую нечисть отпугнет. На этом всё. Удачи! Надеюсь, еще увидимся. И будут спрашивать, запомните – вас крестил рейдер Цыган!

Колонна из трех покореженных машин заурчала моторами и тронулась, посигналив на прощание. Максим с Сухробом, вооруженные новенькими ружьями, вышли на крыльцо кафе через торговый зал и помахали им в ответ руками.

Глава 5

Охота на кенгуру

После отъезда мародеров друзья первым делом занесли в подсобку минералку и продукты. Психи их пока не беспокоили. Обезглавленная туша рубера производила впечатление, и ближе чем на пятьдесят метров к ним никто не приближался. Приблудившуюся собачонку Сухроб щедро накормил, и она принялась их охранять, взлаивая на каждый посторонний шум или движение. Максим назвал ее Маруськой, и коллектив увеличился на одну боевую единицу.

Не обошлось и без сюрпризов. Отрезанную башку монстра рейдеры увозить не стали, и она торчала, нанизанная на воткнутую в газон палку. Сухроб не побрезговал ее перевесить на обломок стекла в окно кафе, и голова сейчас свирепо скалилась на улицу зубастой пастью. Расположенный затылок от темени и до самой шеи зиял глубокой раной, и Максим пришел к выводу, что мародерам изначально требовалась не вся голова, а всего лишь кусок мозга твари. Кто знает, может, за него хорошо платят?

Перенасыщенный событиями день меж тем заканчивался. На улице темнело. Что-то тут опять было неправильно. Блин! Да тут все неправильно! Время вечер, полдевятого, на улице темнеет, но мы находимся в Архангельске, и на календаре ноябрь. А в ноябре солнце обязано садиться днем, и при отсутствии уличного освещения уже в четыре темнота должна стоять кромешная. И как это понимать? Магнитные полюса Земли сместились и его северный город сдвинулся на широту Сочи? Снова вопросы без ответов... И голова, ну что с ней делать, как она болит!

Зайдя в подсобку, Макс застал таджика за необычным делом. Тот кормил Маруську. Необычность кормежки состояла в блюде, которое ей предлагалось, и Максим замер, стараясь не мешать процессу. Сухроб взял пластиковую банку от лапши, накрошил в нее тушенки и сейчас поливал мясо лекарством мародеров из бутылки. Маруська стояла рядом, повизгивая от возбуждения и готовая приступить к трапезе немедленно.

– Все, Максим, я ни магу больше, сил нет! – жалобно простонал таджик. – Башка балыт, жрать нада, а жрать – рвать будет!

– Я сам такой, Сухроб. Консервы видел? Мясные, рыбные, печенье, сок.

Ответом ему послужил протяжный вздох.

– Сыроколбас там тоже есть! Нет, как правильна? Колбас капчоный целый палка! Кармить Маруська – час ждать. Не сдохнет, с ума сходить ни будет – я ликарства випью!

Нормальная собака из предложенной ей миски тщательно выберет и съест сначала мясо и только потом возьмется за макароны, кашу, хлеб. Это характерно для всех псовых без исключения, но вот Маруська, отодвинув носом смачные куски говядины, первым делом выхлебала живчик. То самое лекарство, оставленное им Цыганом. И не просто выхлебала, а принялась облизывать смоченную им тушенку!

– Три глотка, не больше! – закричал Максим, выхватывая бутылку из рук припавшего к горлышку Сухроба, и добавил: – Три глотка. Цыган предупреждал, что много пить нельзя – можно отравиться.

Сам тоже выпил, но аккуратно и соблюдая рекомендованную дозу.

Лекарство помогло быстро и конкретно – все в точности как обещали рейдеры. Поужинали с аппетитом, без последствий, а вот ночь прошла ужасно. Несмотря на аномально теплую для ноября погоду, Максим замерз. Надел на себя все, что можно, и укрылся всем, чем можно, но все равно замерз. Да и обстановка, мягко говоря, не убаюкивала. Вспыхивала хаотичная стрельба, невидимые твари издавали противные чавкающие звуки, а под утро в глубине дво-

ров так страшно закричала женщина, что друзья вскочили и схватились за оружие. Но крик оборвался на высокой ноте, захлебнулся в хрипе – и наступила тишина.

А еще Маруська повела себя не как порядочные и благодарные собаки. После принятия живительного эликсира вечером собачонка тихо смылась, всю ночь шлялась непонятно где и появилась лишь утром. Пришла, вяло помахала хвостиком, отказалась от предложенной лапши и свернулась в уголке, явно не желая, чтобы ее тревожили. Ночью оба напарника не выспались, завтрак прошел молча, и только после ударной дозы кофе завязалась вялая беседа.

– Максим, брат, уходить нам надо. Не знаю, куда, но уходить. Я утром вышел на улица похезать и два новый тварь видел. Очень быстрый тварь – как кенгуру скакал.

– Ты, Сухроб, еще раз в туалет захочешь – меня зови. Нам теперь все время надо прикрывать друг друга, понял? Что бы один ни делал, второй должен рядом охранять. Новая тварь как выглядит?

– Новый тварь как псих, только одежды мало. И быстрый тварь. Он очень быстрый. Быстрей собаки бегают. А как вместе ходить, почему вместе? Если ты рядом, я не могу хезать. Если Сухроб хезать – стоять рядом никто не должен!

Содержательная беседа могла продолжаться еще долго, но в небе загрохотали винты вчерашних вертолетов, и парни выскочили на улицу. Увиденное, однако, не порадовало. Даже более того – испугало и заставило пугливо пятиться назад, в темноту зала. Вертолеты оказались такими же неправильными, как и закат солнца вечером, разбрасывающий урны монстр и скачущие психи. Низко, над самыми крышами домов, прошли три «Ирокеза» с установленными в широких проемах пулеметами.

Машины прибыли с севера, сделали пару кругов над их кварталом, немного постреляли и улетели в южном направлении. Туда, куда им советовал отходить Цыган.

– Красивый вертолет – американический. Я такой многа в кино про Ремба видел.

– Да... Это точно не спасатели. И на вооружении нашей армии я подобной техники не помню. Зря мы, Сухроб, вчера не ушли с рейдерами. Ой, чувствую, зря...

То, что его родной Архангельск вертолеты НАТО будут поливать из «миниганов», Максиму не могло присниться в самом дурном сне, и их появление стало переполнившей сосуд сомнений каплей. Он понял, что чем быстрее они забудут прошлое и примут новый мир, тем проще будет выжить. А Сухроб, хитрюга, наверняка все понял еще утром, когда тех кенгуру увидел. Но промолчал и дал ему возможность принять решение самостоятельно.

Уходить решили не откладывая, но обязательно пополнив снаряжение. Требовались емистые рюкзаки, два нормальных спальника, набор котлов для варки пищи и много чего по мелочи. По идее, всем необходимым располагали «Спорттовары», и, несмотря на два заезда мародеров, визит туда напрашивался.

Оделись полегче, чтобы удобней было бегать, зарядили ружья и закинули их за спину, патроны распихали по карманам, а в руки взяли подаренные Цыганом «клювы». Сухроб, задержав взгляд на отрезанной голове монстра, попросил минутку подождать, убежал в подсобку и вернулся с работающим от аккумуляторов шуруповертом.

Да... После того как таджик отрезал эту самую башку бензопилой, Максим подумал, что теперь его удивить сложно. Ничего подобного – у Сухроба получилось. Таджик внимательно осмотрел психов, убитых вчера рейдерами, срезал со штанов у одного из них ремень и прикрутил его на несколько длинных саморезов руберу на череп. Подергал, проверив надежность крепления петли, и, удовлетворенный результатом, привязал к ней кусок электрического провода. А затем потащил голову следом за собой, как дети таскают зимой санки. При всей своей омерзительности решение оказалось не лишенным логики. Психи реально шарахались по сторонам.

Первое, что они увидели на развороченном входе в магазин, – это оружие. Да, на крыльце свободно валялись две новенькие одностволки двадцатого калибра марки «MP-18M». Рей-

деры их или потеряли, или выбросили за ненадобностью. Сухроб остановился и вопросительно посмотрел на друга. Максим пожал плечами. Он ничего не имел против двадцатого калибра, но где брать к нему патроны? После недолгих колебаний ружья оставили там, где они лежали.

Приятель поднялся на крыльцо, прошел в зал магазина и сразу напоролся на четверых психов, которые не спешили нападать. А когда таджик подтянул ближе башку рубера, то и вовсе попятился назад. Максим потянул за ремень «мосберг», но наткнулся на твердый взгляд напарника, тяжело вздохнул, кивнул и крепко сжал руками древко «клюва».

Он забил двух психов, Сухроб взял на себя еще двоих, но без навыка у них получалось не так ловко, как у вчерашних рейдеров. И психи вели себя гораздо активнее вчерашних – они отходили, делали выпады навстречу, выставляли руки, но... В итоге четыре тела легли на скользкий от пролитой крови пол. Максима от ужаса содеянного заколотило, но Сухроб указал знаком за прилавок, и дрожь в руках сразу прекратилась. Там лежала разорванная продавщица. Это он понял по обрывкам синего халата и красивому пластиковому бейджику.

Мародеры магазин разграбили, но кое-чем поживиться удалось. Нашелся подходящий набор походных котелков, пластиковой посуды и нетронутый запас сухого спирта. Проблем с бензином команда Цыгана не испытывала, а для приготовления пищи примус всегда предпочтительней спиртовой горелки. Удалось разжиться и двумя силиконовыми спальниками-«коконами», по понятной причине рейдерами проигнорированными. Они выгребли все спальные мешки формы «одеяло» – а вот «ногу», «кокон» и «комбинезон» оставили нетронутыми. Тут все как раз понятно. Рейдеры передвигаются строго на машинах, груз на горбу носить не надо, и имеют больше возможностей для оборудования нормального ночлега, где «одеяло» удобнее любого «кокона».

В оружейном отделе, на первый взгляд, поживиться было совсем нечем. Ни патронов, ни капсулей, ни гильз, ни пороха – ну ничего. Голяк! Максиму, правда, удалось собрать рассыпанный по полу неплохой набор для чистки гладкоствольного оружия, и он довольно крякнул. Любой механизм требует ухода, и после того как у них появился набор для чистки, протаскивать сквозь ствол масляную тряпку на толстой нитке нет необходимости.

И рюкзаки. Их не было. То есть вообще не было. Ни больших, ни маленьких, ни брезентовых и ни капроновых. Похоже, в их новом мире любой рюкзак представлял ценность. Один, впрочем, уцелел. Максим содрал его с манекена, который стоял с унылой мордой в разбитой витрине магазина. Добротный, давно вышедший из моды «станкач» на крепкой раме из дюралюминия. Рюкзаком сразу завладел Сухроб, а Максиму достался надетый на манекен охотничий костюм с термобельем. Другой одежды в магазине не наблюдалось – рейдеры выгребли все до нитки, вместе с обувью.

Недалеко от манекена располагался почти нетронутый отдел скалолазания и альпинизма. Веревки, крючья, ледобуры и титановые «кошки» мародеров не заинтересовали, а вот Максим задумался. После минутных колебаний подобрал себе с Сухробом по паре высокогорных пластиковых ботинок и прихватил два мотка мягкой капроновой веревки. Также в новенький рюкзак переключевали две подвесные системы и несколько компактных спусковых устройств. Подниматься он никуда не собирался, а вот быстро спуститься с высоты – тут варианты могут быть... Если что, выкинуть лишнюю снарягу никогда не поздно. Альпинизмом в своей жизни плотно он не занимался, а с горным туризмом и скалолазанием имел дело, так что наладить спуск с крыши дома или балкона мог с закрытыми глазами.

С улицы послышался знакомый лай. Утром Маруська с ними не пошла, предпочла остаться дрыхнуть, но потом проснулась и побежала следом. В магазин не заходила, а разумно села на крыльце рядом с дверьми. Умная собачка перекрыла самое опасное направление и вовремя предупредила. Услышав ее лай, Максим с Сухробом сдернули с плеч ружья и побежали встречать непрошенных гостей.

Вот так компания! Два быстрых психа, названных Сухробом «кенгуру», во главе свиты уродов с самым разным поведением. Особенно впечатлял один ползучий, с раздавленными ногами. Похоже, его нижнюю часть туловища переехала машина. И второй сюрприз. В толпу жаждающих их мяса бывших человеков затесалась здоровенная кавказская овчарка со слюнявой пастью. Значит, собаки тоже болевают и Маруська является исключением, как и они с Сухробом? Странно... Котов, кстати, они тоже замечали, но выглядели животные обычно. С типичным кошачьим поведением без отклонений.

А Маруська тем временем... Хитрющая дворняга заняла позицию за головой рубера, оставленной таджиком на крыльце, и оттуда метко обстреливала звонким лаем осадивший «Спорттовары» отряд нежити. Сбившиеся в кучу психи перетаптывались, тянули в их сторону жадные, со скрюченными пальцами лапы, но переступить невидимую черту решиться не могли. Голова мертвого монстра не давала сорваться в привычном им навал. Оскаленные морды, грязная кровавая одежда, некоторые полуголые и босые. Каждый предстал в том виде, в котором его настигло заражение.

– Кингуру, Максим, смотри, что делает! Смотри, их два!

Максим заметил. В хаотичных, на первый взгляд, передвижениях двух быстрых и координированных зомбаков просматривалась логика, и логика опасная. Сначала один замирал чуть поодаль, вытянувшись и покачиваясь с носка на пятку, потом стремительно срывался и пулей пролетал между входом в магазин и кучей зомби. Оказавшись по другую сторону, резко останавливался и замирал снова. Другой занимался тем же самым, но двигаясь во встречном направлении. Вроде бы ничего опасного – пусть скачут, лишь бы в магазин не лезли. Но после каждого забега толпа психов продвигалась на один-два шага вперед. Рано или поздно невидимая стена страха перед запахом рубера исчезнет, мертвяки ломанут кучей, и тогда им с Сухробом не поможет ничего вообще. С кенгуру надо решать, и решать быстро.

– Сухроб, давай! Твой – левый, мой – правый! Бей сначала картечью по ногам, потом пулей в голову!

Но все пошло не по сценарию – Сухроб выпалил дулетом. Максим знал, что у него в одном стволе картечь, а в другом пуля. И вместо того чтобы обездвигить шустрого психа по ногам картечью, а потом спокойно добить в голову, таджик выпалил из двух стволов по корпусу. Кенгуру слетел с копыт, перекувырнулся и, отчаянно хромая, скрылся за толпой сородичей.

У Максима в магазине «мосберга» картечь и пули шли по очереди, и он не сплеховал. Когда его бегун замедлил ход и начал поворачивать, Макс выстрелил по босым ступням, метя в голени. Заряд картечи достиг цели – кенгуру рухнул на колени как подкошенный, закрутился, но Максим бросился вперед и почти в упор добил подранка в голову.

– Макси-и-им! – раздался дикий крик Сухроба, не успевшего перезарядиться.

Макс повернул голову и увидел, что на него летит первый, не добитый Сухробом кенгуру, который не только умудрился очухаться от его выстрелов, но сумел еще и прыгнуть на Максима. Вот тварь живучая!

Если бы Макс держал в руках двуствольное ружье, а не помповик, то кенгуру его достал бы точно и скорее всего покалечил ударом об асфальт. Прочим оставалось бы тупо навалиться массой на лежащую добычу. Но Макс при дележке достался помповик, и он встретил летящую на него смерть порцией картечи, которая сбила кенгуру на землю. Потом, не теряя времени, передернул за цевье и тяжелой пулей вышиб твари мозги.

Толпа качнулась, заволновалась и неспешно пошла вперед, но на этот раз не сплеховал Сухроб. Он подхватил башку за двойной провод и, раскручивая ее, как древний воин вертит кистень, двинулся на врага. Толпа заволновалась, дрогнула и отступила. Сначала медленно, потом быстрее, и наконец побежала врассыпную.

Путь в кафе, ставшее им домом, освободился.

Глава 6

Дорога на юг

– Хороший Маруська, спас сегодня, заслужил, кушай. Максим, он мясо жрать ни хочет! Вкусный мясо – свиной тушенка, я – мусульманин – ем, а Маруська убирает морда! – жалобно причитал Сухроб, в сердцах замахиваясь на виляющую хвостом дворняжку.

– Знаю я, какой приправы ей в блюде не хватает... – Максим, улыбаясь, открыл бутылку с живчиком и плеснул немного сверху на тушенку.

Маруська возбужденно взвизгнула, лизнула мясо, но не выдержала и начала хватать его зубами.

После сражения в «Спортоварах» друзья установили режим максимальной тишины и обед готовили на сухом горючем. Да, времени уходит больше, но зато бесшумно и огонь не такой яркий.

Из битвы они вышли победителями, но случившееся обоих напугало и предоставило массу информации для размышлений. Психи, оказывается, умели собираться в стаи и подчиняться сильным лидерам, реагировали на шум, движение, и что совсем плохо – за короткое время развивались в более опасных тварей. А осталось всего сорок четыре патрона на двоих!

После некоторых раздумий пришли к выводу, что прорываться из города бегом, паля во все, что движется, глупо и опасно. Без продуманной и отработанной тактики передвижения их сожрут быстро и без вариантов. В свирепом мире, куда их занесло, выживают или сильные и несокрушимые, или умеющие прятаться и становиться невидимками.

Переговорив друг с другом, решили сегодня кафе не покидать и предпринять еще один – совсем короткий выход в близлежащий дом. Максим не терял надежды разыскать рюкзак, да и обстановку в квартирах стоило разведать. Что вообще там происходит? Тем более что и далеко идти не требовалось. Ближайшие подъезды имелись в доме, в котором располагалось их кафе.

Дом огибали осторожно, часто останавливались, вслушиваясь в обстановку и выглядывая из-за углов. Макс мучительно гадал, научились психи устраивать засады или нет? Но пока везло – такие сообразительные твари им не попадались.

Двор порадовал открытыми дверями и видимым отсутствием всего живого. Распахнутые двери имели объяснение. Люди с ума сходили постепенно, шли на улицу, кто-то первый двери открывал, а вот захлопнуть их на кодовый замок в голову уже не приходило. Зараженные желали кушать вкусно, себе подобные их не привлекали, и они дружно устремлялись на городские улицы за пищей. А кто им пища? Да такие, как Максим с Сухробом и Маруська, которая опять удрала в неизвестном направлении.

В первый подъезд заглядывать не стали – там слышалось подозрительное шебуршание, и Сухроб решительно захлопнул крепкие стальные двери. Второй подъезд встретил тишиной, но после того как Макс намеренно шумнул, бросив внутрь стеклянную бутылку, сверху раздалось сопение и шаркающие звуки. Искушать судьбу не стоило, и второй подъезд они закрыли, как и первый. А вот третий... Сначала туда влетела половинка кирпича, потом разбили бутылку из-под кетчупа – и никакой реакции. Входили тихо, предусмотрительно закрыв за собой двери.

Их надежды оправдались. Квартиры оказались открытыми, как и подъезды. Далеко не все, но около половины точно. И что происходило в запертых, они знать не желали. В некоторых помещениях от увиденного можно было упасть в обморок, и если ребята обнаруживали кровь и следы пиршества, то сразу отходили, не заглядывая внутрь. Тем более что имелись и вполне приличные жилища. Как будто хозяева на секунду вышли за спичками к соседям или опустить пакет с мусором в окно мусоропровода.

Они проверили несколько пустых квартир – и, как назло, ни одного рыбака или охотника! Оружие, патроны, рюкзаки – вот что интересовало ребят в первую очередь. Пока ничего подобного не попадалось, но их запросы снаряжением не ограничивались. Носки, трусы, футболки нужны любому, не слетевшему с катушек человеку, а учитывая тот факт, что стирать и гладить вещи стало затруднительно, требуются в количествах изрядных.

Из полезного можно отметить коробку с салютами-фейерверками, которые могли отвлекать психов, электрический фонарь с запасом батареек, несколько стеариновых свечей, бинокль, но вот рюкзак не попался. За неимением лучшего Максим подобрал себе какую-то тинейджерскую дрянь.

Отошли без приключений, хотя во двор уже сползались мертвяки. Они тянулись на звук. В закрытую дверь второго подъезда били изнутри, а дверь первого трещала и прогибалась от сильного напора. Открыть защелку кодового замка психи не додумались, чему Максим искренне порадовался.

До своего логова добрались без приключений, сразу запалили пару свечек и начали раскладывать трофеи и переодеваться.

– Максим, смотри мой шея! – Сухроб снял свитер, закинул в угол старую футболку и продемонстрировал Максиму смуглую, с выпирающим кадыком, шею.

– Я не понял, что не так, Сухроб? Все там нормально, вот только помыться тебе надо. Мне тоже, кстати, не помешает.

– Да шея нормальный! А был ненормальный – ее псих кусал! Сильно кусал – кровь шел, и я мазь-ихтиолка шея мазал! Почему он так быстро зажил? Мой шея что, волшебный стал?

Вопрос товарища застал Максима врасплох. Он лично видел опухоль и рану, но сейчас о том укусе напоминал только розовый рубец на коричневой таджикской коже. На вид рубец выглядел как после недельного успешного выздоровления, но Сухроба укусили всего сутки назад. Странно.

– А тут был царапина глубокий, – таджик не унимался, демонстрируя предплечье с мало-заметным шрамом.

– Палец! – вспомнил Максим и начал расшнуровывать ботинок.

В драке с наглым, всех расталкивающим мужиком он так сильно ушиб большой палец на ноге, что подумал – слезет ноготь. Палец тогда сильно распух и заболел, потом боль неожиданно прошла, и Максим забыл про драку. А вот сейчас вспомнил и обнаружил свой палец крепким и здоровым. Чудеса. Похоже, этот мир не только наказывает, но и помогает. Открытие приятное, и сделаем заметочку на будущее.

День шел к закату, и друзья надеялись, что эта ночь станет для них, в кафе, последней. После всех баталий место вид имело отвратительный. Обезглавленный труп рубера застрял в куче уголков, улица перед кафе завалена телами психов. Все это мясо, несмотря на прохладную погоду, начнет вонять и разлагаться, и неизвестно, привлечет вонь мертвяков или, наоборот, заставит сторониться. Пора отсюда уходить, и выход запланировали на завтрашнее утро.

Работающий на остатках зарядки телефон Макс установил на семь утра, и тот не подкачал. Разбудил их мелодичным звоном и на этом свою службу закончил окончательно. Брать его с собой он не собирался, но вытащил сим-карту и спрятал в автомобильные права, расстаться с которыми не торопился. А вдруг, кто его знает? Маленькая, совсем крошечная надежда, что все происходящее – чудовищное недоразумение, пока не пропадала.

Они умылись, щедро поливая друг другу минералку, весь запас которой все равно с собой не унести. Потом Сухроб выразительно почесал щетину, Макс кивнул, и через пять минут весело загудел примус, согревая воду для бритвы. Идти решили на сухом горючем, и бензин в канистре экономить смысла не было.

Они позавтракали, переоделись во все чистое и приступили к сборке рюкзаков. Большого труда стоило уговорить Сухроба расстаться с башкой рубера. Тот собирался таскать ее с собой,

пока не завоняет. И хотя голова весила килограммов десять, таджик упорно рвался привязать ее к раме рюкзака.

Уходить намеревались через дворы, избегая широких улиц и проспектов. Двина текла с юга на север, и двигаться надлежало параллельно ей. Именно там, на юге, по словам Цыгана, располагались стабы, там жили люди, а опасные твари почти не заходили. Планы друзей оригинальностью не отличались – найти поселение, осмотреться и попробовать присоединиться к одной из группировок. Например, к Цыгану.

Родной город Максим знал неплохо и будущий маршрут мысленно проложил через дворы между проспектами Ломоносова и Новгородским. Оба вели в нужном направлении и упирались в улицу Смольный Буян, рядом с большим мостом через Двину. Планировать дальнейший путь смысла не имело, сначала следовало добраться до моста и хорошенько осмотреться.

– Максим, гиниратор заведи! У ружья ствол и приклад болгарка резать – обрез будет! Ружье длинный – в подъездах с обрез удобней.

– Отставить! – Максиму идея не понравилась. – Что такое обрез двенадцатого калибра, представляешь? Да тебе его в руках не удержать, не то что попасть психу в голову. А если, как ты любишь, дулетом долбануть, то переломать отдачей пальцы может. Обрез, Сухроб, с собой носить удобно. А вот воевать полноценным ружьем надо, не зря на заводе его таким длинным сделали. Хотя... стволы обрезать можешь, до точки крепления ремня. Тебе действительно не снайперить с двустволки. А вот приклад не трогай! Не режь ни сантиметра!

Максим обшаривал биноклем двор, который предстояло пересечь в первую очередь. Двор как двор, ничего особенного. Психов почти нет – всего двое у детской карусели сосредоточенно что-то жрут. Где наш бинокль? Ага, кот поймали! А как они его поймали? Кот – шустрое животное, так просто не ухватишь, а психи – медленные. Вопрос... Неужели снова кенгуру? Вот, блин, еще этого не хватало... Надо сорвать их с места и проверить. Желательно не подставляясь. Потом привяжутся, а патронов мало.

Сухроб нашел камушек, прицелился и метко пульнул по жестяной раскрашенной ракете, установленной посреди детской площадки. Раздался громкий звук, и оба психа, позабыв про трапезу, поднялись и завертели головами. Второй камень – и снова грохот. Зомбари пошли на звук, и у Макса отлегло от сердца. Перед ними никак не кенгуру. Один обыкновенный – медленный. Второй сделал стремительный рывок метров на восемь-десять и обессиленно остановился. Угрозы парочка для них не представляла, но напролом идти не стоило. Максим давно подозревал, что чокнутые между собой общаются, и один может позвать на выручку товарищей. Их следовало успокоить тихо и по возможности не трата драгоценные патроны.

Максим вышел, негромко свистнул и, увидев две повернутые к себе башки, призывно помахал рукой. Те на движение среагировали и неторопливо пошли к нему. Макс, убедившись, что приглашение принято, зашел обратно за угол. Зомбакам предстояло пересечь двор, обогнув стоящую на их дороге трансформаторную будку. Они побежали, спотыкаясь, и как только будку обошли, за их спинами выскочил Сухроб. Два коротких взмаха «клюва», и на землю рухнули два тела. Вот сейчас путь освободился.

Максима интересовал дом с открытыми дверями последнего подъезда в углу квартала. Согласно выбранной им тактике двигаться следовало от одного дома до следующего, на противоположных концах двора, по диагонали. Остановки предполагались в угловых подъездах. Именно оттуда открывался обзор из окон не на две, а на три стороны. Без предварительных осмотров предстоящего пути они рискуют нос к носу столкнуться с толпой опасных психов вроде кенгуру или еще кого похуже.

И вот они подошли к первому на их пути подъезду. Сухроб метнул в черный проход дежурную бутылку и замер, прижавшись к стенке. В руках он крепко сжимал «клюв», приготовившись воткнуть его во вражеский затылок. Враг, если он есть, на шум обязательно появиться.

Припавший на колени Макс страховал его с помповиком, готовый встретить противника огнем или отвлечь внимание, если тот окажется недостойным патрона.

Ожидание, пауза, еще бутылка... Убедившись в отсутствии источников агрессии, друзья забросили на плечи рюкзаки и заскочили внутрь, захлопнув за собой входные двери. Точнее, тихо их прикрыв, стараясь не издавать ненужный шум. Подъезд встретил тишиной и трупом психа в дверях лифта, которому проломили башку чем-то тяжелым. Хорошо проломили, основательно. С пятнами мозгов по стенкам и торчащими костями черепа.

Они понимающе переглянулись, и довольный Макс показал большой палец. Ну наконец-то! Неужели в этом аду еще кто-то выжил, кроме них? А похоже на то, очень похоже! Открытые квартиры носили следы обыска: на полу валялись выброшенные вещи, дверцы шкафов широко распахнуты и... О, нет! Раскуроченный железный сейф с оружием! Гильзы шестнадцатого калибра, капсули, пыжи, банка пороха «Сокол», машинка для снаряжения патронов.

Неизвестный забрал только ружье с боеприпасами и применил его немедленно парой этажей выше. На лестничной площадке лежали два трупа с развороченными головами и две пластиковых гильзы уже знакомого шестнадцатого калибра. Максим гильзы подобрал, как и забрал все боеприпасы из сейфа. Шестнадцатый калибр с их двенадцатым не совпадал, но слова Цыгана, что боеприпасы в новом мире заменяют деньги, запомнились хорошо. Еще квартира с разбитым сейфом одарила их вместительным самодельным рюкзаком.

Впрочем, какой это рюкзак, скорее мешок с лямками, сшитый из крепкого капрона тормозного парашюта. Подобных уродливых изделий среди охотников и рыбаков Макс насмотрелся много. Но в любом случае он лучше того маленького кожаного рюкзака, который был на нем сейчас, и не надо больше привязывать сверху спальник, сбоку пристраивать мешок с одеждой и думать, куда определить две бухты капроновой веревки.

За этот день они прошли с Сухробом три полных квартала. Ночевать остались на восьмом этаже угловой девятиэтажки. Из высоких панорамных окон трехкомнатной квартиры открывался обзор на завтрашний маршрут, но вначале предстояло пересечь проспект Ломоносова с его проезжей частью и уйти по направлению к реке.

Дверь в подъезд закрыли, примотали проволокой к раме, а на уровне пятого этажа устроили завал из мебели, разобрать который без шума не смог бы самый продвинутый зомбак. Но на крайний случай у них есть веревка и два спусковых устройства, а балкон в квартире длинный и имеет прочные перила.

Вечером большую и дорого меблированную комнату освещали свечи. Сухроб суетился и накрывал на стол. Вскрывал банки с красной икрой, нарезал семгу и копченую говядину, а по воздуху разносился аромат заваренного на спиртовке кофе. «Аллах акбар!» – только и смог произнести таджик, когда увидел содержимое открытого Максимом бара, стилизованного под камин. Там было на что посмотреть и что попробовать. Не бедная квартирка, и обитавшие в ней люди любили и умели жить красиво.

Первый день пути закончился достойно, на позитивной ноте, и на слетевший с катушек город опускалась ночь.

Глава 7

Маруська-воин

Оттянулись они с Сухробом качественно. И настолько качественно, что Максим в махровом халате хозяина квартиры выходил несколько раз за ночь на балкон, который они использовали как туалет. А что? В квартире не воняет, свежий воздух и обзор шикарный – половина города как на ладони. Ночная панорама завораживала и не отпускала. Он выкуривал по две сигареты и уходил, лязгая от холода зубами. А посмотреть было на что.

Его родной город не пал, захлебнувшись кровью в зубах монстров, и не забился в ужасе, мечтая исчезнуть с глаз страшного врага. Его город дрался. Сверху Макс наблюдал огоньки в разных концах, слышал автоматную и ружейную стрельбу, грохот взрывов и шум моторов автомобилей. Город сражался. Сражались те, кто сохранил разум: такие, как он, сварщики, офисные клерки, военные, рабочие со строек и чиновники администрации. Пусть пока разрозненно, каждый за себя и неумело, но в таких условиях человек или быстро учится, или еще быстрее умирает. Прошло несколько дней боя, а захваченный мертвяками город не сдавался! Нечисть победить людей так и не смогла.

Роскошь действовала расслабляюще, и спали долго. Примерно до девяти утра. Когда еще доведется выспаться на чистых простынях под одеялами из верблюжьей шерсти? Но устраивать дневку в их планы не входило. Друзья встали, привычно умылись водой из туалетного бачка и начали раскладывать по рюкзакам вещи. Переносимый груз заметно сократился. Кастриули имелись в любой кухне, и зачем тогда тащить с собой котлы? Еще оставили спальные и лишнюю одежду. Жизнь показала, что едой, водой и шмотками их мог обеспечить каждый жилой дом.

Пока Сухроб готовил кофе, Максим взял сигарету, вышел на балкон и щелкнул зажигалкой. Машинально посмотрел вниз, и на проезжей части, между разбитыми машинами, ему почудилось смутное и весьма активное движение. Недокуренная сигарета полетела на пол, Макс схватил бинокль и начал внимательно изучать дорогу, которую им предстояло пересечь. Увиденное настолько не понравилось...

– Сухроб! Давай пока подождем с выходом. Не торопись особо.

– Чего ждать, зачем не торопись? Я уже рюкзак собрал!

– Ну так разбери. Посмотри сам – внизу у психов сборище, и я понять пытаюсь, по какому поводу. Дорога далеко просматривается, не проскочить. Заметят и порвут, как Тузик грелку.

То, что проезжую часть Ломоносовского проспекта не перейти, Максим понял сразу. Ее плотно контролировали мертвяки. Сначала он водил биноклем, пытаясь прикинуть количество врагов, потом начал отслеживать их хаотичные, на первый взгляд, передвижения, и стало страшно. Стало очень страшно – под ним была не стая и не толпа. Он наблюдал настоящую воинскую часть, развернутую в боевой порядок.

Макс много курил, отходил пить кофе и возвращался. Зрелище стоило потерянного времени. Точка обзора нравилась – все происходило перед его глазами. Он видел отряды стремительных пехотинцев, скачущих, подобно орангутангам, младших офицеров, и, кажется, заметил даже генерала. Генерал с раздутыми, как у бульдога, челюстями легко запрыгнул на кабину разбитого грузовика и замер там, вертя башкой. Монстр точно уступал по мощи забитому недавно руберу, но заметно превосходил офицеров-кенгуру. Это была новая, не виданная ранее порода развитого психа, и следовало ее запомнить.

На проезжей части с упокоенной навеки техникой располагались часовые. Быстро бегающие кенгуру замирали неподвижно на высоких точках и вытягивались в струнку, готовые в любой момент сорваться. Их поведение наводило на размышления и, пожалуй, выводы.

Если зомби выбирают для обзора самые высокие места, то почему их нет в жилых домах? Максим внимательно осматривал балконы удачно расположенной пятиэтажки и не заметил в ней постороннего присутствия. Странно. Если бы зомбо-войском руководил он, то обязательно разместил бы там наблюдателей. Но он – человек. А у психов совсем другая логика, и, очевидно, им не нравятся закрытые объемы и замкнутые помещения. В подъездах, например, их почти нет. А если и заходят, то только на понятную и осязаемую пищу. Интересное открытие, и надо сделать зарубочку на память.

Двигаться вперед или пытаться обойти отряды нечисти возможности не представлялось – дозорные носились вверх и вниз по улице. Пришлось бы делать огромный крюк дворами, в которых непонятно вообще, что творится. Самым умным решением представлялось сидеть на месте, наблюдая. Логика подсказывала, что психи собрались не просто так, и развязка последует рано или поздно.

До обеда ничего не происходило. Максим сидел с биноклем, грыз найденные в баре соленые орешки и болтал с Сухробом, который в шикарной лисьей шапке смахивал на древнего воина-монгола. Тот факт, что шапка женская, таджика не смущал нисколько. А между тем внимательное наблюдение за психами давало массу информации. Максим, к примеру, только сейчас заметил, что в их войске не стало ни одного классического, медленного мертвяка. Остались лишь шустрые и способные на короткие броски.

Произошла ротация и у командиров. Появилась пара мощных на вид экземпляров, один из которых небрежно сбросил прежнего альфа-самца с крыши разбитого КамАЗа. Морды вновь прибывших смахивали на медвежьи, и Максиму послышалось, что их ноги при ходьбе издают стук и характерные щелчки. Но, вероятно, показалось.

А день тем временем перевалил за середину. Максима уже пригласили на китайскую лапшу с красной икрой и копченой лососиной, когда совсем рядом раздался выстрел из винтовки. Цокающий монстр с медвежьей мордой слетел с КамАЗа, и по неудобно повернутой лапе стало ясно, что с ним покончено. Но винтовка хлестнула еще дважды, и псих с бульдожьей мордой вдруг завертелся, как юла, и стремительным броском скрылся под дорогим джипом с раскрытыми дверями. Максим впервые в жизни наблюдал работу снайпера, и ему показалось, что тот обустроил свою лежку через подъезд от них. По крайней мере, работу автоматики и звон выброшенных затвором гильз он слышал четко.

А внизу между тем разыгрывалась битва. Сначала дорогу на скорости пересек белый инкассаторский броневичок. Автомобиль тормознул, развернулся боком, и из приоткрытых окон по мертвякам ударил огонь из автоматов. Стрельба психов не остановила, и на машину навалилось штук двадцать яростных безумцев, причем один сразу оторвал трубу глушителя. Отлетели бампер, зеркала, фары, зашипело со свистом прокушенное колесо. Броневик отчаянно бил огнем в упор, и мертвяки несли потери, падая на асфальт с простреленными головами.

С разных сторон улицы на помощь нападавшим бросились проворные кенгуру и новые отряды пехотинцев. Но на дорогу выехала еще одна машина – автозак для перевозки заключенных с надписью «ФСИН Россия» на борту. Пересечь проспект у того не получилось. Один из сильных монстров, цокая копытами, на ходу оторвал дверцу у кабины. Затем выдернул дико орущего водителя и забросил несчастного в гущу набегавших зомбаков. Вокруг инкассаторского броневичка и бессильно воткнувшегося в обочину фургона завертелся водоворот из тел.

Замыкал колонну пазик, автобус маленький и беззащитный. Макс испугался, что сейчас его порвут на части, но, как оказалось, преждевременно. ПАЗ, не снижая скорости, объехал все препятствия, открытое место проскочил и умчался, оставив за собой белый шлейф густого дыма. За ним никто даже не погнался.

Зато вокруг машин, стоящих на дороге, схватка не прекращалась ни на секунду. Трещали автоматы, хлопали дробовики, и пару раз грохнули гранаты. На маленьком пятачке дороги

лилась кровь, вылетали мозги, а по телам убитых психов лезли всё новые и новые ненасытные сородичи. Стрелок в их доме нервничал, его винтовка хлопала, посылая пули, которые, попадая в броневик, рикошетили, высекая искры.

Наблюдая за боем, Максим понял, что перед ним не профессионалы рейдеры, а такие, как он, выжившие. Люди сумели собраться, организовать, найти оружие и теперь прорываются из города в южном направлении. Их машины не имели клеток из толстой арматуры, башенок с крупнокалиберными пулеметами, а места водителей и лобовые стекла никто не догадался защитить металлом. Он яростно кусал губы, думая, чем можно помочь людям, но что они могли с Сухробом, имея за душой всего сорок четыре охотничьих патрона?

Но, к счастью, люди на дороге справились сами, без их помощи, и в драке наблюдался перелом. Поток тварей становился жиже, беспорядочная стрельба стихала, уступив место огню одиночному и добивающему. Даже сидящий в их доме снайпер успокоился и точными редкими хлопками разносил вражеские головы.

– Максим, бежим быстрей! Уходим!

Макс обернулся и увидел Сухроба в лисьей шапке, который стоял сзади, одетый и с рюкзаком.

– Сухроб, давай поможем и уедем с ними! Это же люди! Понимаешь, люди! Вместе мы сильнее!

– Почему сильнее? Это глупый люди, такой не нужен, он совсем тупой! Патронов много, автоматов много – вперед лезет, думает – бессмертный и всех перестреляет! Мертвяк такой любит, спициальна ждет, засада делает. Бежим, Максим. Бежим быстро, пока псих жрет глупый люди.

«А ведь Сухроб прав... Дважды, трижды прав... – думал Максим с досадой, надевая на плечи свой рюкзак и приводя в готовность «мосберг». – На что надеялись те люди, бросаясь в лобовую атаку на заслон? Ну, с потерями прорвутся, пройдут квартал, а дальше что, опять по новой? Бой до последнего мертвяка или последнего человека?»

Перебежали Ломоносовский проспект и спринтерским броском вломились в угловой подъезд пятиэтажки. Заняли позицию на третьем этаже, заперли двери, привалили хламом, и только после этого Максим выглянул в окно на поле боя. А там...

Там, сквозь грохот выстрелов, отчетливо слышался звонкий лай Маруськи! Да, с психами сражалась именно Маруська, чье визгливое тявканье он бы не спутал с лаем никакой другой собаки!

Балконы в нужном направлении не выходили, и Максим открыл окно на кухне. Достал бинокль, навел его в сторону битвы и облегченно перевел дух. Психов добивали, но прятаться и разбегаться мертвяки не думали. Отвлеченные Маруськой, они разрывались на два фронта, что получалось не очень хорошо. Казалось глупым, но Макс был готов поспорить, что маленькая собачонка привлекала их гораздо больше, чем крупные упитанные люди. Примерно как кусочек жареного мяса вкуснее, чем кастрюля каши или макарон.

Из инкассаторской машины и поваленного автозака вывалило пятеро суровых мужиков, которые встали плотным строем и принялись расстреливать разобценную Маруськой нечисть. Били мужики скупыми короткими очередями, а пустые магазины забрасывали в автозак, откуда их возвращали снаряженными. Все ясно с мужиками – процесс у тех налажен, справятся без них, и надо идти дальше. Но вот Маруська удивила в очередной раз. Что за загадочная собака? Появляется ниоткуда и в никуда уходит. А впрочем, в новом мире все загадочно. Ну или почти все.

Парни пообедали тушенкой и печеньем, попили чаю, покурили, и Макс еще раз выглянул в окно на кухне. Битва на проспекте завершилась окончательно, и сейчас там лежали одни трупы. Шум отъезжающих автомобилей стих, и вся сохранившая боеспособность нечисть

наверняка рванула следом за колонной. На их место начали подтягиваться привычные медленные мертвяки, которые пугливо озирались и обнюхивали поле боя.

Отходившая автоколонна боезапас не экономила, и Макс с Сухробом еще долго вслушивались в звуки грохота вдалеке боя. Они подождали, дав возможность бравым воинам собрать на себя как можно больше тварей, и двинулись по своему маршруту, успешно применяя отработанную тактику. От дома к дому и от квартала до квартала. Без особых приключений подошли к улице, от которой до моста через Двину рукой подать.

Для ночлега выбрали обособленно стоящую пятиэтажку. Приготовившись заглянуть в первый подъезд, Максим почувствовал, как в ладонь сзади ткнулось что-то холодное и мягкое. Маруська! Нашлась, живая! Забыв об осторожности, друзья сняли рюкзаки и принялись гладить блудную подругу. Сухроб достал заветную бутылку, начислил ей законный глоток живчика и открыл банку консервов. Собака поела, благодарно твякнула в ответ и стремительно исчезла за углом дома, убежав по своим, никому не ведомым делам. А на улице смеркалось, и пора было думать о ночлеге. Проверив, как обычно, подъезд бутылкой, ребята быстро забежали и захлопнули за собой двери.

Максим поднялся на верхний этаж, осмотрел все три квартиры и после недолгих колебаний выбрал угловую. Стандартная двухкомнатная «брежневка», которую холодными зимними ветрами продувает насквозь, а летом прогревает солнце. Следов борьбы и крови не заметно, мародерства – тоже, и он скинул рюкзак на широкий диван в комнате. Прошел на кухню, где порадовался наличию бытового кулера с полупустой бутылкой. Кухня как кухня – набор продуктов не шикарен, но и не пустая. В шкафу на стенке макароны, в холодильнике полбанки груздей, брусничное и малиновое варенье, палка копченой колбасы. «Нормально. Не каждый день икру жрать ложками», – подумал Макс, и до него только сейчас дошло, что рядом нет привычного Сухроба.

В квартиру таджик не заходил, но абсолютно точно заходил в подъезд, и Максим, взяв наизготовку «мосберг», осторожно пошел вниз по лестнице. Четвертый этаж, третий, второй – таджика нету. Максим прижал ружье к плечу, вытянул вдоль спусковой скобы палец и резко вывалился на площадку между вторым и первым этажами.

Сухроб сидел на рюкзаке перед дверями, ведущими в подвал, смотрел вниз и как будто с кем-то тихо разговаривал. Максим замер на месте, не зная, что и предпринять, – таджик вел себя загадочно и непонятно.

Все пятиэтажки в городе имели обязательный подвал, входы в который располагались не на улице, а внутри каждого подъезда. Как правило, подвалами жильцы давно не пользовались, и проемы под лестницами закладывали кирпичом или зашивали досками. Но в этом подъезде на кирпич и каменщика люди, очевидно, скидываться не пожелали, и вход перекрывала безобразная железная решетка, сваренная из металлического хлама. Именно с такой решеткой Сухроб сейчас переговаривался.

Максим немного постоял, пытаясь сообразить, что вообще тут происходит, но не нашел ничего лучше, как осветить весь угол светом электрического фонаря. Луч выхватил из темноты прижатое к прутьям лицо мертвяка-зомби, которое от яркого света и неожиданности оторопело мигнуло обоими глазами сразу.

Следующим движением мертвяк вытянул руки, пытаясь ухватить Сухроба, но тот ловко увернулся и отскочил в сторону. Потом таджик вздохнул, укоризненно посмотрел на Макса, подобрал лежащий на полу «клюв» и ловко засадил мертвяку точно в выпученный глаз, ювелирно вогнав оружие между прутьями решетки.

Глава 8

Уроки промышленного альпинизма

- Сухроб, ты как, в порядке?
- Максим, я, кажется, с ума сошел. Псих меня позвал, и я услышал. Я с ним говорил, Максим!
- С психом? Сухроб, я не пойму, ты что, понимаешь их мычание?
- Псих не мычит, он так разговаривает. Но разговаривает плохо. Как ребенок в три года или взрослый, когда совсем дибил.
- Ну и чего он тебе поведал интересного? – Ситуация Максима начинала забавлять, но таджик выглядел серьезно.
- Псих – не человек, это животный, и душа там совсем нет, ни капли. Ему все время жрать нада. Я спросил, почему другой псих не жрешь? Сказал – другой псих нивкусный. Карова самый вкусный или лошадь. Собака, кошка вкусный. Человек можно, но если нет корова и собака. А другой псих ему – как нам мясо тухлый.
- Ну ничего себе у вас беседы! Про кенгуру и руберов не спрашивал?
- Сильный псих слабый обижает – он его боится. Сильный стать можно, но много надо жрать. Максим, я с ума сошел, да? Я как он буду? – В глазах таджика блеснули слезы, и Максим хлопнул его по лисьей шапке:
- Да в порядке ты, Сухроб, в порядке, понял? Хорош сидеть тут под дверями, пошли ночлег устраивать – я варенье малиновое нашел! Варенье малиновое любишь?
- Таджик молча затряс головой в знак согласия.
- Вот видишь! Ты варенье любишь, а психи варенье не едят. Им только мясо надо. Сам говоришь – кошки для них вкусные. Сухроб, кот грохну – кушать будешь?
- Макс грубо выстебывал товарища, рассчитывая привести в чувство, но разубедить его оказалось делом непростым. Тому факту, что злейшие враги стали неожиданно понятны, Сухроб видел одно-единственное объяснение. И обратился к другу с замогильной тоской в голосе:
- Максим, брат, прошу тебя! Я сначала буду медленный и ниопасный. И ты меня обязательно застрели, ладна? По-брацки застрели, «клюв» в башка ни нада!
- «Спокойно, Макс, спокойно. Доводы нужны простые и железобетонные. А то свихнется окончательно и меня своим нытьем с ума сведет», – думал Максим, лихорадочно подыскивая те самые – простые и убедительные, доводы.
- Так, Сухроб... ты кушать хочешь?
- Да, хочу, – растерянно ответил тот.
- Сильно хочешь, до ужина потерпишь?
- Нада – и завтра весь день не буду кушать. Я как с Таджикистан приехал, нас всех подрядчик, пи...с, на бабки кинул, тагда три дня вапще ни ели. Что случился? Зачем ни кушать, зачем спрашиваешь? Тушенка есть, пиченье есть, еще лапша китайский целая коробка! – Он красноречиво пнул по рюкзаку ботинком.
- Вот! – Максим многозначительно поднял вверх палец. – А псих все время кушать хочет! Он всегда голодный, верно?
- Да, голодный. Ему жрать нада – терпеть совсем ни может!
- Давай с тобой, братан, договоримся. Вот если почувствуешь такой голод, что терпеть не сможешь, или меня сзади укусить захочется, то ты мне сам скажи, и я тебя по-братски застрелю. Договорились? Вот, смотри, специально один патрон откладываю. Ты что предпочитаешь – картечь, пулю или, может, дробь с четырьмя нулями? – Максим протянул обалдевшему товарищу ладонь с тремя патронами.

– Я магу ни есть нидела! А нимножка хлеба и лапша китайский – две нидела! – горячо принялся доказывать Сухроб, но осекся, заметив широкую улыбку Макса. Потом заулыбался сам и продолжал уже спокойней: – Ни жди, ни папашу стрелять. Псих сначала тупой делаетца, потом жрать хочет. А я ни тупой. Это меня Аллах научил психов понимать!

Ну наконец-то! Компромисс с пошатнувшимся рассудком найден, и Максим тактично подождал, пока его товарищ вознесет молитву.

Сегодня они ужинали жареной картошкой с солеными груздями, а на десерт был чай с малиновым вареньем. И никакого мяса! Пусть этот вечер будет вегетарианским и разгрузочным.

Вид утреннего, освещенного холодным солнцем города Максиму не понравился. Причем не понравился настолько, что он сразу передумал пересекать улицу Парижской коммуны. Она упиралась в мост через Двину и считалась конечной точкой их маршрута на сегодня. Предполагалось добраться до моста, хорошо там осмотреться и уже оттуда планировать дальнейшее передвижение, которое имело варианты. Можно идти по берегу реки, а можно по-прежнему скакать дворами вдоль Ленинградского проспекта. Причем скакать надежней и предпочтительней. Тактика знакомая и неплохо себя зарекомендовавшая.

Но подошел Максим к окну с биноклем, посмотрел на мост, присвистнул изумленно и залип с оптикой минут на десять. Курил нервно, думал и вместо того, чтобы совершить логичный бросок в направлении Ленинградского проспекта, потянул недоумевающего Сухроба в сторону, к высотке на двенадцать этажей.

В подъезд многоэтажки пробивались трудно, через десяток психов, и после прорыва их скромный арсенал оскудел еще на три патрона. Максима трясло от напряжения, на него вопросительно смотрел Сухроб, но он, ничего не объясняя, потащил напарника по лестнице.

Они забежали на двенадцатый этаж, и плевать на заляпанную кровью комнату. А также на обглоданные человеческие кости, клочки одежды и метнувшегося из угла зомби, получившего заряд картечи в перекошенную рожу. «Четвертый патрон» – морщась, посчитал Максим и вышел на балкон, свернув прикладом шпингалет на двери.

– Максим! Что случилось? Что ты там увидел? Скажи, зачем молчишь? – Сухроб тряс за рукав напарника, который стал вдруг невменяемым.

Макс медленно развернулся, подал бинокль и, отводя глаза, через силу выдавил:

– Это не Архангельск!

– Как «ни Архангельск»? Почему ни Архангельск? Может, Душанбе и я домой приехал?

Максим стиснул зубы и спокойным голосом заговорил с Сухробом, словно с маленьким ребенком:

– Возьми бинокль и посмотри внимательно на асфальт дороги. Видишь?

– Да, смотрю. Асфальт плохой, как в Таджикистан.

– Там по дороге трещина идет до самого моста... Сейчас заметил?

– Да, трещина. Но не глубокий – перепрыгнуть можно. Тут землетрясений был?

– Так вот, все, что до трещины и в нашу сторону, – это Архангельск, а то, что после трещины... Я вообще не знаю, что это за место и откуда оно там взялось. И мост – архангельский только на две трети. На треть к тому берегу – уже другой мост. И Двина только до моста. После моста река совсем другая, смотри, какая узкая.

И действительно, Северная Двина в районе моста имеет ширину около километра, но сейчас она такой осталась только с севера. А вот с юга почему-то следовало резкое сужение метров до трехсот. Знакомую до мелочей улицу Парижской коммуны пересекала ломаная трещина, которую ничем, кроме как землетрясением, объяснить не получалось.

За улицей, в южном направлении, вместо стадиона «Буревестник» возвышалась свалка мусора, рядом с которой торчала металлическая конструкция непонятого предназначения. А от свалки слева? Там, вместо уютных дворов Ленинградского проспекта, сейчас торчали

обшарпанные здания, сильно смахивающие на заводские. Картину довершали ряды двухэтажных дощатых гаражей, которых в этом месте не стояло никогда.

До Сухроба наконец дошло, какой очередной сюрприз им подкинула судьба. И он присел, попросив у Максима сигарету. Таджик курил мало – только за компанию и по особым случаям, но сейчас как раз был такой случай. Решение друзьям следовало принимать срочно. За ошибки в этом жутком мире принято расплачиваться жизнью.

– Сухроб, у нас живца сколько осталось? – озабоченно спросил Максим.

– Один пустой бутылка, второй – больше половина. Почти полный второй! – бодро отпартовал таджик, и Максим снова поморщился:

– Паршиво. Давай примем по глоточку, сегодня еще не пили.

– Давай примем, у меня уже голова болит, висок ломит, – поддержал друга Сухроб, и они по очереди приложились к горлышку.

– Без живец совсем плоха будит, сдохнем без живец. Пусть лучше псих лезет, чем живец закончица! Где берет живец Цыган, из чего делает? Ничего не сказал, уехал молча.

– Ага, а ты стал бы его слушать! Мы с тобой ждали тогда спасателей, забыл? Эх, не вовремя те вертолеты пролетели... Сейчас что делать будем, есть идеи? Что валить отсюда надо – факт. Вопрос – куда?

Но жизнь сама выдала ответ на повисший в воздухе вопрос. Входная дверь в квартиру громко хрястнула от мощного удара. Потом еще удар и равномерный треск. На дверь со стороны подъезда здорово давили.

Ребята бросились в противоположных направлениях. Таджик – к входу, слушать психов, а Макс – к балкону, где сразу принялся разматывать веревку.

– Ма-аксим, сюда! Плоха, совсем плоха! – раздалось из прихожей, и Макс бросился на помощь с «мосбергом» наперевес.

– Там сильный псих, кингуру там! Два кингуру и щас совсем сильный псих придет дверь ломать и нас жрать!

Первым делом вытащили из комнаты диван и подперли им входную дверь. На диван хорошо легли два навесных шкафа из кухни, обеденный стол и огромный холодильник. Пустые места забивали чем попало: телевизором, табуретками, прикроватной тумбочкой и прочей малогабаритной мебелью. Мелькнула надежда, что тупые психи не догадаются раскидывать руками баррикаду, а начнут ее тупо давить массой. А это, учитывая узость прихожей и то, что в завал обязательно упрутся высаженные двери, ой как непросто! Непросто даже с феноменальной силой монстров.

Кстати, о дверях. Напуганные всплеском криминала в девяностые, большинство горожан двери ставили железные, и лично Макс с напарником Сергеем немало их сварили и установили. В этой квартире все стояло по привычной схеме. Снаружи – металлическое, среднего качества изделие, а изнутри – простые деревянные, которые открывались внутрь и упирались в баррикаду. Толщина бетонного проема подобный фокус с двойными дверями допускала.

«Интересно, как психи умудрились проскочить в подъезд бесшумно?» – мелькнула мысль, и от догадки Макс едва не застонал. Он так спешил с биноклем на балкон, что совсем забыл про санитарный вход, который имели все подъезды в доме. Сухроб тоже пролетел мимо, привычно захлопнув вход парадный. Стиснув от досады зубы, Максим бросился на балкон к своим веревкам. Ключик от бетонной мышеловки, в которую они попали, он подобрал еще в отделе магазина «Спорттовары».

Высота стандартного двенадцатиэтажного дома – до сорока метров. Тут все зависит от высоты потолков в квартирах и наличия технического этажа. Веревки Макс таскал две бухты по тридцать метров каждая, и сейчас он связывал их между собой узлом. Один конец просунул в лямки рюкзака и начал аккуратно его спускать на двойной веревке, понемногу стравливая вниз, не забыв перекинуть через балконные перила для торможения. Но двойная веревка кончилась,

рюкзак завис на уровне второго этажа, и Максиму ничего не оставалось, как отпустить один конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.